

Александр Михайловский
Александр Харников

ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ

Однажды в Октябре - 3

Ангелы в погонах

Александр Михайловский
Вся власть Советам. Том 3

«Автор, Автор»

2015

Михайловский А. Б.

Вся власть Советам. Том 3 / А. Б. Михайловский — «Автор, Автор», 2015 — (Ангелы в погонах)

Разгромив внутреннего врага в яростной судороге инспирированного Троцким и Свердловым винного бунта и в одно касание выиграв с помощью пришельцев из будущего ожесточенное Рижское сражение, Советская Россия заключила с Германской империей почетный мир. Но это было только началом пути. Страны Антанты оказались взбешены действиями правительства Сталина, а на окраинах бывшей Империи стали пышно распускаться махровые цветы национального сепаратизма. Впереди у большевиков-сталинистов была борьба за единство огромной страны. Прочитав эту книгу, вы узнаете, как новой власти удалось сплотить вокруг себя как «красных», так и «белых» патриотов, переманить на свою сторону трудовое казачество, отбить первый наскок англичан на Русский Север, разоружить пресловутый Чехословацкий корпус и растоптать тлеющий очаг украинского сепаратизма.

© Михайловский А. Б., 2015

© Автор, Автор, 2015

Содержание

Часть 9-я	5
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Михайловский, Александр Харников Вся власть Советам. Том 3

Часть 9-я «Вихри враждебные»

**8 ноября (26 октября) 1917 года. Полдень. Таврический дворец.
Совместное заседание Политбюро и Президиума Совнаркома.**

Присутствуют: Председатель Совнаркома И.В. Сталин, Председатель ВЦИК В.И. Ленин, Нарком Внутренних дел Ф.Э. Дзержинский, Глава НКВД Г.В. Чичерин, Наркомвоенмор М.В. Фрунзе, Нарком промышленности и торговли Л.Б. Красин.

Тамбовцев Александр Васильевич.

На сегодняшнем заседании в Таврическом дворце, под председательством Сталина, подвелись итоги событий, произошедших с начала нашего появления в этом мире. А ведь прошел всего-то без двух дней месяц... Сделать же за это время удалось многое.

Произошла практически бескровная передача власти от Временного правительства партии большевиков, во главе которых теперь был не Ленин, а Сталин. Удалось сформировать вполне работоспособное советское правительство, решительно взявшее власть в свои руки и сумевшее пресечь на корню чиновничий саботаж. Под суд загремели те, кто во время войны беззастенчиво наживался на заказах для российской армии и запускал лапу в казну – словом, всех, для кого война стала «матерью родной». Одним из важных наших достижений стал разгром того, что в нашей истории называлось «троцкизмом». «Разжигатели мировой революции», по совместительству работавшие на французскую, британскую и американскую разведки, во время неудавшейся попытки «винного мятежа» полегли под пулеметами Красной Гвардии или были расстреляны по приговорам ревтрибуналов.

И, пожалуй, самое главное, что страну удалось удержать от сползания к гражданской войне. Большая часть офицерского состава, воодушевленная победоносным завершением войны с немцами, сейчас без колебаний осталась служить в русской армии или перешла на службу в вновь сформированную Красную Гвардию. А солдаты, обрадованные окончанием боевых действий, по большей части готовились к демобилизации. Полки и дивизии третьей и четвертой очереди мобилизации расформировывались полностью, вторая очередь переводилась на кадрированный состав, и лишь части первой очереди – армия мирного времени – должна была продолжить свою службу, пребывая в постоянной готовности отразить врага.

Именно туда предстояло перевести тех солдат, унтеров и офицеров, которые не пожелают демобилизоваться и возвратиться к мирной жизни. Одной из причин возникновения Белого движения в нашей истории и было как раз принудительное расформирование Русской армии, вследствие чего появилось много безработных офицеров и генералов. Теперь этого не повторится: решившие остаться на службе пусть останутся.

Приглашенных в Петроград представителей солдатских комитетов армий и корпусов ознакомили с графиком вывода в тыл и расформирования их полков и дивизий. Теперь любой солдат-окопник хорошо знал, что в такой-то день он сдаст представителям комиссии по демобилизации оружие и получит документ о том, что отныне он считается уволенным с действительной военной службы, после чего ему выдадут бесплатный билет на поезд до своего дома и паек на дорогу. Очень и очень многим хотелось попасть домой в числе первых, но солдаты своим крестьянским умом прекрасно понимали, что сразу всех домой с фронта не отпустишь.

Железная дорога просто не сможет перевезти такое количество народа. Кроме того, большая часть демобилизованных солдат состояла из мужиков-пахарей, а для них было главным вернуться по домам к началу сева яровых (а до того времени даже в южных губерниях оставалось еще почти четыре месяца времени).

Впрочем, домой рвались не все. Кое-кто остался в армейских переформированных частях штата мирного времени – уже, как сказали бы в наше время, на контрактной службе. В этом случае рядовой и унтер-офицерский состав получал весомое денежное довольствие, продовольственный паек и перспективу дослужиться до офицерских чинов – естественно, если он будет достоин направления в военное училище и производства в офицеры.

По плану реформирования армия она должна была стать профессиональной, хорошо подготовленной и вооруженной. Как говорил Ленин – «лучше меньше, да лучше». Да и не по карману пока Советской России содержать такую большую армию, какая ей досталась в наследство от воюющей царской России.

Но не следовало торопиться перековывать мечи на орала. Закончив войну с Германией, надо было готовиться к отражению новых угроз. Пришло время поставить на место многочисленных самостийников, расплодившихся на окраинах бывшей Российской империи. Объявив себя «независимыми», они наперегонки бросились искать себе богатых спонсоров, для улаживания которых «маленькие, но гордые» готовы были принять любую позу из «Камасутры». И заодно они принялись гнобить местное русское население, изгоняя его из их спешно созданных национальных республик.

Вот все это и собралось сегодня обсуждать руководство молодого Советского государства. Иосиф Виссарионович попросил меня подготовить краткий обзор возможного развития событий, исходя из того, что в нашей истории происходило в послеоктябрьское время.

Прибалтика – это первое, что приходит в голову нашему современнику, когда речь заходит о местном национализме. Но вот именно ее я пока обошел в своем докладе. Во-первых, из Литвы и Курляндии до сих пор продолжался отвод немецких войск, и пока заниматься государственным строительством в этом регионе было явно преждевременно. К тому же народы, населяющие Прибалтику, опыта государственности не имели (за исключением, пожалуй, Литвы) и покорно ложились под тех, кто был в тот момент сильнее. Так было и в XX веке, так продолжилось и в веке XXI-м.

Поэтому начал я с Севера, где зашевелились финские националисты, возглавляемые Пером Эвиндом Свинхувудом, который при очевидной поддержке правительства Швеции готовился провозгласить независимость Финляндии. Только в этой истории им уже не поможет ни германский корпус генерала Рюдигера фон дер Гольца, ни егерский батальон, сформированный в Германии из националистически настроенной финской молодежи. По нашей просьбе эти батальоны кайзер решил отправить на Запад – воевать против французов и британцев. Те же, кто отказался ехать на фронт, были интернированы. К тому же генерал Маннергейм сейчас формирует кавалерийскую бригаду для действий на Юге России. Так что национальным героем Финляндии ему, скорее всего, не быть. Ну а насчет Швеции...

– Леонид Борисович, – обратился я к Красину, внимательно слушавшему мое выступление, – не могли бы вы по своим каналам связаться со шведскими финансовыми и промышленными кругами и объяснить им, что поддержка правительством Швеции финских националистов мы можем воспринять негативно? Как и то, что все это позже скажется на развитии торговых отношений между нашими странами. Пусть господа шведы подумают и посчитают возможные убытки. Считать они умеют – работа у них такая.

Тот кивнул и записал что-то в лежащий перед ним блокнот. А я продолжил:

– Таким образом, без поддержки извне и без наличия серьезной вооруженной силы, с националистически настроенными финнами вполне могут справиться местные товарищи из

финской Красной Гвардии. Ну и Балтийский флот, базирующийся в Гельсингфорсе, конечно, поможет. Оружие даст, поможет специалистами...

Я посмотрел на Михаила Васильевича Фрунзе. Тот утвердительно кивнул. Сталин вопросительно взглянул на Ильича. Тот немного поморщился (среди финских социал-демократов у него было немало хороших знакомых) но все же согласился со мной, и сделал движение пальцами, словно раздавил вошь. После этого все поняли, что проблема с «независимостью Финляндии» решится в самое ближайшее время. Причем раз и навсегда.

Я перешел к наиболее трудной части своего выступления. Речь зашла об Украине. Тут надо сказать спасибо господам меньшевикам и персонально, господину-товарищу Церетели. Не знаю, кем он приходится нашему современнику, скульптору-гигантому, но дров наломал он немало.

В качестве представителя Временного правительства он, будучи в составе руководства делегации этого треклятого Временного правительства, признал автономию Украинской Центральной рады. При этом руководимая им делегация без согласования с правительством согласилась с предложениями Центральной рады и включила в состав автономии все юго-западные губернии России. Именно он во многом виновен в кровавых конфликтах, что вспыхивали на Украине в течение ста последующих лет.

Сейчас эта Центральная рада, возглавляемая одним из столпов украинского национализма профессором истории Грушевским, готова со дня на день провозгласить незалежную УНР (Украинскую народную республику).

Мало того, эта самая Рада вознамерилась «украинизировать» еще и Крым с Севастополем и с Черноморским флотом в придачу. Пользуясь тем, что среди призванных на флот матросов было немало «хлопцев» из Малороссии, агитаторы Рады принялись активно их охмурять, суля золотые горы, лишь бы им «отчепиться» от злыдней-москалей. Над некоторыми боевыми кораблями уже развеваются «жовто-блакитные» флаги. С этим надо было кончать – пока эту опереточную «незалежность» можно было прихлопнуть без особого труда. Но позже, когда борцы «за Вильну Украину» сумеют качественно запачкать мозги доверчивым селянам и интеллигенции, которой ужасно хотелось стать «элитой нации», придется пролить немало крови, чтобы прикрыть эту лавочку.

– Да, товарищи, – резюмировал после моего доклада товарищ Сталин, – ситуация в Киеве очень сложная, и я присоединяюсь к мнению товарища Тамбовцева. Чем быстрее мы покончим с этой Радой, тем лучше. И следует немедленно пресечь все попытки «украинизировать» хоть что-нибудь сверх того, что и так уже является украинским. Я слышал, что там зашевелились и татарские националисты. Надо сразу сказать всем этим товарищам: Крым был, есть и будет в составе единой и неделимой Советской России!

Председатель Совнаркома посмотрел в ту сторону, где сидел наркомвоенмор.

– И с Черноморским флотом надо что-то решать... Ведь активные боевые действия сейчас на Черном море не ведутся? Это так, товарищ Фрунзе?

– Да, товарищ Сталин, – ответил Фрунзе, – после подписания мирного договора с Германией боевые действия на всех фронтах фактически закончились. Да и союзники Германии – Австрия, Болгария и Турции – не рвутся воевать.

– Вот и замечательно, – сказал товарищ Сталин, – тогда, может быть, стоит провести частичную демобилизацию моряков Черноморского флота? Пусть самый беспокойный и разложившийся элемент отправится до дому, до хаты. А вам, товарищ Фрунзе, стоит найти нового и энергичного командующего флотом и советского комиссара – чтобы с их помощью вновь поднять боеготовность флота до нормального состояния. Да и с корабельным составом надо как следует разобраться. Я думаю, что для дредноутов на Черном море теперь нет достойных противников, а вот Кольский полуостров и Арктика со всеми их богатствами у нас совершенно не защищены. Тем более что Турция в обозримом будущем вряд ли сможет представлять для

нас реальную опасность. Так что этот вопрос нужно тщательно изучить и принять принципиальное решение.

– Не менее опасная для Советской России обстановка сложилась в Одессе, на Румынском фронте и в Молдавии, – продолжил я. – Там сейчас правит бал так называемый «Румчерод» – Центральный исполнительный комитет Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одессы. Он контролирует – во всяком случае, так ему кажется – Херсонскую, Бессарабскую, часть Подольской и Волынской губерний. В нем большинство – меньшевики и эсеры. Пока они там витийствуют, к Молдавии приглядываются румыны. В нашей истории они ее в конце концов захватили. В этой истории ничего подобного допустить нельзя. А потому необходимо очень жестко разобраться с этим самым Румчеродом. Как только мы восстановим контроль над Киевом, необходимо послать на Румынский фронт умного и решительного человека с чрезвычайными полномочиями, который мог бы на месте выбрать правильное решение и претворить его в жизнь. Так что, товарищ Сталин, я думаю, что после этого совещания нам предстоит подобрать для этой работы соответствующую кандидатуру.

– Хорошо, товарищ Тамбовцев, – сказал товарищ Сталин, – мы поищем такого человека. А теперь скажите, товарищам, что у нас происходит на Кавказе?

– А то же, что и везде, товарищ Сталин, – ответил я, – всеобщий бардак и война всех против всех. Все дружно объявляют независимость от России, хотя многие и не знают, что это такое и с чем ее, эту независимость, едят. Причем «молодые, но гордые государства» заявив о своем суверенитете, начинают воевать с соседями, пытаясь урвать для себя что-то ценное и полезное. Ну и, как водится, тут же бросаются искать себе хозяина, желательно из крупных европейских государств, обещая продать им свою «независимость» по сходной цене.

– Проститутки! – не выдержав, бросил реплику Ленин. – Александр Васильевич, батенька, что вы предлагаете поступить со всем этим «суверенным» кавказским борделем?

– Думаю, товарищ Ленин, что на Кавказ необходимо послать человека, который, кроме решительности и организаторских талантов, еще хорошо знал бы местные реалии, – сказал я. – Я хотел предложить кандидатуру товарища Кирова. Его там знают и уважают. Пусть он попробует, пока без применения силы, образумить тамошних «президентов» и «эмиров». Ну, а если это ему не удастся, то придется применить силу. После этого все местные скороспелые «вожди» немедленно пустятся в бега на дальние дистанции. В качестве усиления к товарищу Кирову можно прикомандировать бывшего Великого князя Михаила Александровича Романова. Он и его кавалеристы неплохо показали себя в деле под Ригой. Товарищ Романов также авторитетен на Кавказе, только в несколько иных кругах. Там он известен как храбрый и мужественный воин, который знает, с какого конца берутся за шашку, и способен превратить диких и необузданных горцев в настоящих солдат. Ну и однополчане по Дикой дивизии поддержат, если надо, своего командира. Авторитет начальника на Кавказе – большая сила. Вы, товарищ Сталин, можете подтвердить, что это так. Ну, а кроме того, жена и сын товарища Романова останутся здесь, в Гатчине, и будут гарантировать благоразумное поведение мужа и отца.

– Я думаю, что товарищ Киров и... хм... товарищ Романов сумеют навести порядок на Кавказе, – кивнул Сталин, – люди они принципиальные и умные, каждый по-своему. И, как вы правильно сказали, товарищ Тамбовцев, они оба хорошо знают Кавказ.

Возражений по данному вопросу не было, и я продолжил свой доклад:

– В Средней Азии дела обстоят примерно так же, как и на Кавказе. К тому же там активно действует британская и турецкая резидентуры, которые прилагают все силы, чтобы оторвать эти земли от России. Пользуясь удаленностью от центральных органов власти, местные так называемые революционеры, а также баи и ханы, творят полный беспредел в отношении русского и местного населения. Поэтому порядок наводить там нужно быстро и жестко. Лишь тогда, когда на местах почувствуют реальную силу, они прекратят терроризировать русских и

представителей других некоренных национальностей. Но я полагаю, что о Средней Азии стоит поговорить отдельно. Есть кое-какие мысли на сей счет.

– Да-да, товарищ Фрунзе, – сказал я, заметив, как наркомвоенмор встрепенулся после моих слов, – по поводу Средней Азии я хотел бы отдельно побеседовать именно с вами. Вы ведь оттуда родом. И вы подскажите нам, как лучше и желательнее малой кровью навести там порядок. Это, конечно, не задача первой очереди, как с Украиной или Кавказом, но все же этим придется заниматься, если мы хотим восстановить в Средней Азии мир и спокойствие, а затем приступить к строительству социализма.

Михаил Васильевич кивнул (скорее, каким-то своим мыслям, чем мне), и я стал говорить дальше:

– В последнюю очередь, товарищи, я хотел бы обратить ваше внимание на Сибирь и Дальний Восток. Тут тоже царят разброд и шатание. Ослабление центральной власти подтолкнуло местных начальничков к попытке обособиться от России, что проявляется в так называемом «сибирском автономизме». Но следует заметить, что с экономической и политической точек зрения Сибирь – регион, пока абсолютно не самостоятельный. Или Сибирь останется русской, или ее приберет к рукам одна из иностранных держав. Тут, помимо прочего, одним из важнейших политических факторов является соперничество Японии и САСШ за влияние в регионе Дальнего Востока и Тихого океана. Вот на этом соперничестве нам можно и нужно сыграть, пока мы укрепляем там свою власть. В ближайшее время в те края для усиления нашего влияния отправится наша ударная субмарина «Северодвинск». Во избежание, так сказать, негативных последствий. Мы не должны забывать о Дальнем Востоке. Как сказал однажды один умный человек: «Владивосток, хотя и далеко, но он город нашенький».

И я с хитрой улыбкой посмотрел на Ленина. Тот, видимо, поняв, кого я только что процитировал, прищурившись, благодушно кивнул в ответ.

– Вот вкратце и все, что я мог и хотел сказать, – закончил я доклад и, сев на стул, перевел дух и посмотрел на присутствующих. Большинство из них что-то строчили в свои рабочие блокноты, обмениваясь друг с другом короткими репликами.

– Товарищи, – сказал Сталин, обращаясь к участникам совещания, – я думаю, что теперь всем все ясно, и мы, поблагодарив товарища Тамбовцева за его обзор сложившейся на сегодняшний день ситуации, приступим к прениям. Кто хочет выступить первым?

Встал Феликс Эдмундович Дзержинский... и началось.

Обсуждение моего доклада продолжалось до глубокой ночи, и мне, как и Ленину и Сталину, еще не раз приходилось брать слово. Скажу одно: результатом этого заседания стало решение, что единой и неделимой Советской России – быть!

Учитывать культурные, религиозные и социальные особенности более ста населяющих ее народов, конечно, надо. Но во главу угла мы должны ставить равенство прав всех советских граждан, невзирая на национальность, пол, социальное происхождение и вероисповедание. Все должны быть равны – как в правах, так и в обязанностях. Остальное – от лукавого...

11 ноября (29 октября) 1917 года. Полдень. Петроград, набережная Невы напротив Смольного монастыря, учебный корабль Балтфлота «Смольный».

Одна из учебных аудиторий корабля. Присутствуют:

Наркомвоенмор – Михаил Васильевич Фрунзе;

Начальник ГРУ ГШ – генерал-лейтенант Николай Михайлович Потапов;

Командующий Балтфлотом – вице-адмирал Михаил Коронатович Бахирев;

Командующий особой эскадрой – контр-адмирал Виктор Сергеевич Ларионов.

– Товарищи, – начал Фрунзе, машинально поглаживая свою бородку а-ля Николай II, – мы собрались, чтобы решить вопрос чрезвычайной важности. Да, Николай Михайлович и

Михаил Коронатович, я не ошибся: вас я тоже считаю своими товарищами, на которых полностью могу положиться. В конце концов, мы делаем одно дело и служим одной Родине – России.

– Гм... – смущенно произнес вице-адмирал Бахирев, – я на днях имел частную беседу с бывшим государем Николаем Александровичем. Он считает, что ваш Сталин ловко сумел вывернуться из весьма скверной для России истории. Худшего правителя, чем господин Керенский, у России не было со времен Гришки Отрепьева. Николай Александрович просил воспринимать господ Сталина и присутствующего здесь контр-адмирала Ларионова не как узурпаторов, а как посадского человека Минина и князя Пожарского, которые по зову Господа нашего и всей нашей земли призваны были покончить со Смутой и восстановить на Руси порядок. Бывший государь также просил вас всемерно в этом содействовать. Так что пусть мы будем в этом святом деле товарищами. Не так ли, Николай Михайлович? – Он посмотрел на генерала Потапова.

– Все так, Михаил Коронатович, – подтвердил главный русский разведчик. – Все так. Все мы – люди, делающие одно дело. Ну а слово «товарищи»... Помните, что говорил старший казак Тарас Бульба об этом: «Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества!»? А теперь скажу честно: именно по моей просьбе Михаил Васильевич собрал нас здесь. Так что давайте поговорим о главном. После заключения почетного мира с Германией трудности для России далеко еще не кончились. Примирившись с одними врагами, мы приобрели новых, по сравнению с которыми господ Гинденбург и Людендорф – милейшие и честнейшие люди. Вы все уже знаете, что одной из целей, которые ставили перед собой Лондон и Париж в ходе этой войны, было, как это ни прискорбно, прекращение существования самого Государства Российского, вне зависимости от существующей в нем формы правления. Мы уже знаем, что господин Керенский почти добился, чтобы после окончания войны Россия была разделена между союзниками на оккупационные зоны. Север – англичанам, юг – французам, Дальний Восток – американцам и японцам. Даже румынам, грекам и итальянцам предполагалось отрезать по кусочку от русского пирога. В связи с тем, что Мировая война еще не закончилась, и все силы Антанты сейчас прикованы к фронту во Франции, осуществить свои планы союзники пока не в состоянии. Единственной державой, не связанной непосредственно боевыми действиями, является Япония. Но самураи хорошо помнят нашу прошлую войну, в которой они, несмотря на свою победу, понесли от русской армии огромные потери. Но вот англичане, привыкшие воевать чужими руками, таких кровавых уроков не получали, и поэтому способны на разные авантюры. Это я говорю для того, чтобы вы ничему не удивлялись. Согласно сведениям, полученным моими людьми в Лондоне и Стокгольме, два дня назад из британской военно-морской базы Скапа-Флоу вышла эскадра в составе линейного корабля «Дредноут», броненосных крейсеров «Бервик» и «Ланкастер», а также нескольких эсминцев. Ее сопровождают пароходы-угольщики и транспорты с войсками. Цель похода этой эскадры – наши северные города Мурманск и Архангельск, а точнее, скопившиеся там запасы вооружений и боеприпасов, поступившие от Антанты для ведения войны с Германией. Причем товары эти уже оплачены русским золотом. Также англичанами планируется организация в тех краях марионеточного правительства и развязывание таким способом у нас на Севере Гражданской войны. Экспедиционный корпус включает в себя два полка пехоты, составленной в основном из индусов, авиаторов и еще какие-то части, о которых нам пока достоверно ничего не известно. Ситуация осложняется еще тем, что в Мурманске и так уже присутствуют британская и французская военные миссии, подкрепленные британским линкором-додредноутом «Глори» типа «Канопус» и старым бронепалубным крейсером «Ифигения» тирп «Аполло». Но, очевидно, эти силы им кажется совершенно недостаточными – даже при том бардаке, который сейчас царит в нашей флотилии Ледовитого Океана. А ведь Мурман – это единственные наши ворота в мир, соединенные с

центральной Россией железной дорогой, не замерзающие и не перекрытые какими-либо проливами. На этом у меня, господа и товарищи, собственно, все.

Наступило молчание. Потом контр-адмирал Ларионов посмотрел на Фрунзе и сказал:

– Что-то подобное, Михаил Васильевич, я от англичан и ожидал. Не могут наглосаксы усидеть спокойно и не устроить нам какой-либо пакости. Как офицер, половину жизни послуживший как раз в тех краях, к словам Николая Михайловича могу добавить, что Мурманск – это не только ценный мех, то есть важный транспортный порт, но и непаханая нива для организации промышленного рыболовства. Вы все знаете, что над страной нависла угроза самого обыкновенного голода, так что... имейте в виду. Михаил Коронатович, – обратился он к адмиралу Бахиреву, – как специалист, скажите, какова может быть средняя скорость у этой эскадры?

– Средняя скорость... – задумчиво промолвил тот. – Если верить донесению людей Николая Михайловича, это не боевая эскадра, а настоящий цыганский табор с медведями и оркестром. Возможную скорость этого балагана на переходе можно оценить узлов в пять, максимум восемь, что даст нам от восьми до тринадцати дней перехода до Мурманска. Ну, по крайней мере, если их транспорты будут того же возраста, что и военные корабли. Я так думаю.

Фрунзе ненадолго задумался, а потом спросил:

– А как вы думаете, наши корабли в Мурманске смогут оказать сопротивление британской эскадре? Кстати, что у нас там?

– Сопротивление они, несомненно, окажут, – немного обиженно сказал Бахирев, – только вот отбиться от противника шансов у них нет. У нас там старый, 1900 года постройки, броненосец «Чесма», в девичестве «Полтава», и такой же устаревший крейсер «Аскольд». Крейсер «Варяг», причисленный к флотилии Северного Ледовитого океана, в данный момент находится на ремонте в Англии и, скорее всего, британцы его захватят. Один упомянутый в донесении британский линейный корабль «Дредноут» вдвое превосходит по боевой мощи все наши тамошние корабли вместе взятые. Так что сопротивление англичанам может быть чисто символическое, после чего, как ни прискорбно, корабли погибнут. Насколько я понимаю, никакой возможности оказать помощь нашей флотилии на Севере сейчас не имеется...

– Товарищ Ларионов, а что вы скажите на этот счет? – с надеждой обратился наркомвоенмор к командиру эскадры из будущего. – Сможем ли мы отсюда, из Петрограда, оказать помощь нашим товарищам в Мурманске? Что мне доложить товарищу Сталину?

– Доложите, что вверенное мне соединение способно обнаружить и полностью уничтожить британскую эскадру в любой точке маршрута, – ответил контр-адмирал Ларионов. – Необходимо только принять чисто политическое решение. Пропадут британские корабли в Норвежском или Баренцевом море бесследно, или же им будет позволено уцелеть, дойти до Мурманска, вступить с нашими кораблями в бой, и уже после этого быть уничтоженными. Я думаю, что второй вариант причинит советско-британским отношениям такой ущерб, после которого нам не останется ничего другого, как снова вступить в Мировую войну, на этот раз уже на стороне кайзеровской Германии...

– Гм, Виктор Сергеевич, аэропланы? – чуть наклонив голову, спросил вице-адмирал Бахирев.

– Аэропланы, Михаил Коронатович, – подтвердил контр-адмирал Ларионов, – с боевым радиусом действия в шестьсот пятьдесят миль. То есть, как я уже говорил, мы можем достать британцев в любой точке маршрута. На британских крейсерах, если я не ошибаюсь, бронепалуба толщиной в два дюйма, а у «Дредноута» – в три. Для наших броневой бомб это препятствие не страшнее листа бумаги. Кроме того, британскую эскадру на переходе сможет нагнать наша подводная лодка «Северодвинск», легко делающая в подводном положении двадцать восемь узлов. Мы как раз собирались перебросить ее тем маршрутом, для усиления наших сил на Дальнем Востоке. В любом случае, мы можем усилить флотилию Ледовитого Океана одним или несколькими нашими кораблями, находившимися в нашем времени в составе Северного

Флота. С их приходом можно будет попробовать или мягко вытолкать, или интернировать британские корабли. Рано или поздно порядок там навести придется, и лучше рано, чем поздно.

– Эх... – сказал адмирал Бахирев, со вздохом пожимая плечами и неизвестно к кому обращаясь. – Бедолаги! – Он посмотрел на наркомвоенмора. – А вы что скажете, Михаил Васильевич?

– Если дело обстоит именно так, как сказал товарищ Ларионов, – недолго подумав, ответил Фрунзе, – то вопрос с британской эскадрой тогда действительно сугубо политический и находится в ведении Председателя Совнаркома. Не нам с вами решать, быть между Британской Империей и Советской Россией худому миру или доброй ссоре. Сам факт отправки такой эскадры говорит о том, что нормальных отношений с Британией у нас в ближайшее время не будет. Что не исключает для нас необходимость наведения твердого революционного порядка в наших северных портах и кадрового подкрепления флотилии Ледовитого Океана. Ведь большие дела, здесь, на Балтике, уже закончились, а там они, судя по всему, только начинаются. Об этом мы с вами, товарищи, поговорим чуть позже... Вам, Михаил Коронатович, совместно с Виктором Сергеевичем, задание – подобрать кандидатуры для замещения возможных вакансий, с учетом возможности интернирования британских кораблей.

– Будет сделано, товарищ Фрунзе, – серьезно сказал Ларионов, – поставьте в известность товарищей Сталина и Дзержинского. Кроме попыток прямой военной интервенции, возможны всякого рода диверсии и провокации, а также расхищение народного имущества в особо крупных размерах. А это как раз по линии наркомата внутренних дел. Да и оружие из Мурманска и Архангельска надо вывозить быстрее, а то и в самом деле генерал Миллер там объявится. Он, правда, сейчас в Италии, но чем черт не шутит, пока Бог спит... Да-да, товарищи, ничего еще не решено. И неизвестно, как все обернется, если мы проявим мягкотелость и разгильдяйство. Не морщитесь, Михаил Коронатович: не все русские генералы и адмиралы оказались патриотами, готовыми не за страх, а за совесть служить новой России. Ведь отречение из государства револьверами выбивали не уличные налетчики и профессиональные революционеры, а генералы и министры с депутатами Госдумы в придачу. По английской, между прочим, наводке. И Бог весть чего они хотели в тот момент: пользы для Родины или власти – пусть над маленьким кусочком нашей страны, но ничем и никем не ограниченной. Кстати... для доукомплектования кораблей флотилии Ледовитого Океана необходимы не только командиры кораблей и офицеры, готовые сражаться с британцами, но также и матросы с кондукторами... По имеющимся у нас данным, команда «Чесмы» полностью разложена. «Аскольд» с половинной командой боеспособен условно. На эсминцах анархия, команды самовольно выходят из боя при малейшей угрозе...

– Мы вас поняли, товарищ Ларионов, – кивнул нахмурившийся Фрунзе, – и, зная вашу осведомленность, постараемся воспользоваться добрыми советами. А сейчас, товарищи генералы и адмиралы, всем спасибо, и прошу держать наш сегодняшний разговор в тайне. До свидания.

12 ноября (30 октября) 1917 года. Полдень. Таврический дворец.

Совместное заседание Политбюро ЦК РСДРП(б) и Президиума Совнаркома.

Присутствуют: Председатель Совнаркома И.В. Сталин, Председатель ВЦИК В.И. Ленин, Нарком Внутренних дел Ф.Э. Дзержинский, Глава НКВД Г.В. Чичерин, Наркомвоенмор М.В. Фрунзе, Нарком промышленности и торговли Л.Б. Красин.

Члены ЦК: Тамбовцев Александр Васильевич, Ларионов Виктор Сергеевич, Муранов Матвей Константинович, Стасова Елена Дмитриевна, Калинин Михаил Иванович.

– Итак, товарищи, свершилось: большевики взяли власть в свои руки! – сказал Ленин, открывая совместное заседание Политбюро ЦК РСДРП(б) и Президиума Совнаркома. – Но в современных условиях этого совершенно недостаточно. Мало просто взять власть, надо еще

суметь ее удержать, направив Россию по пути строительства нового общества. Но это архитрудная работа. Вот вы, товарищ Тамбовцев, скажите, какая самая большая проблема ожидает нас на этом пути?

– Кадровый голод, товарищ Ленин, – не раздумывая, ответил тот. – В масштабах России нынешняя численность большевистской партии просто ничтожна. Но это партия правящая, поэтому к большевикам, прикрываясь громкими революционными лозунгами, из других партий будет перебегать разная сволочь, желающая сделать карьеру, получить власть, наконец, просто набить карманы.

– Совершенно верно! – воскликнул Ленин, наклонившись над трибуной. – Причиной тому – малочисленность сознательного пролетариата, служащего главной опорой и социальной базой нашей партии. Что же нам делать? Развернуть массовый прием в партию? Это, конечно, позволит сделать ее массовой, но к нам налезут те, о которых только что говорил товарищ Тамбовцев. Потом нам придется проводить многократные чистки, но весь этот балласт примазавшихся к нам под революционными знаменами мы едва ли сумеем вычистить до конца. Есть второй вариант. Мы будем принимать людей, прошедших тщательный отбор, доказавших и словом, и делом преданность нашим идеалам и готовым приложить все усилия для строительства социализма в Советской России. Но в подобном случае численность нашей партии еще долго будет мизерной, и мы не сможем контролировать власть, работу государственного аппарата, и нас рано или поздно изгонят из этой самой власти. Товарищи, вы не должны забывать, что государственный аппарат царского и буржуазного временного правительства мы ломать не стали. Чиновники работают – где добросовестно, где не очень. А мы должны, участвуя в работе этого аппарата, в то же время его контролировать, не допуская, чтобы он возвращался к старым приемам и формам работы – то есть в первую очередь на самого себя, а уж потом на государство. Я тут начал в Финляндии писать одну работу, в которой пытался высказать свои мысли по поводу новых форм работы государственного аппарата в условиях победившей революции. Поэтому я и назвал эту работу «Государство и революция». Вот, товарищ Тамбовцев с ней ознакомился и высказал мне свое мнение с точки зрения опыта их времени... Гм, товарищи... скажу честно, кое-что мне в этой работе пришлось исправить, и теперь она уже напечатана в виде брошюр, которые раздадут вам после заседания. Ну а пока на повестке дня наиболее остро стоит вопрос о представительских органах власти. Проще говоря, это Советы народных депутатов на местах и советский орган, который будет выполнять в нашем государстве роль буржуазного парламента, но в то же время будет состоять из представителей народа и функционировать в народных же интересах. Какие будут предложения, товарищи?

Первым взял слово Сталин. Поднявшись на трибуну, он положил перед собой рабочий блокнот с записями и, прокашлявшись, начал:

– Тут товарищ Тамбовцев правильно сказал насчет кадров. Кадры для нас – это главное. Ведь всеми делами в государстве будут заниматься не какие-то неодушевленные, абстрактные фигуры, а вполне реальные люди, со всеми их достоинствами и недостатками. Так что ценные и добросовестные кадры должны у нас быть на вес золота, независимо от их социального происхождения, а вот от тех, кто не справляется с поставленной перед ними задачей, будь он хоть трижды революционер, мы должны решительно избавляться, невзирая на былые заслуги. Теперь о нашей партии и о ее работе в советском правительстве. Я хочу сказать, что все ответственные должности нам заполнить коммунистами не удастся. Да нам это и не надо. Мы всемерно, всеми силами будем привлекать беспартийных специалистов, беспартийных техников, готовых идти рука об руку с Советской властью в деле управления народным хозяйством и строительством нашей народной промышленности. Мы вовсе не будем требовать, чтобы они отреклись теперь же от своих социально-политических взглядов. Мы будем требовать только одного – чтобы они честно сотрудничали с Советской властью, раз они согласились на это добровольно. А что касается коммунистов... Нам нельзя ограничиваться выработкой большевист-

ских кадров вообще, умеющих поболтать обо всем понемножку. Дилетантство и всезнайство – это оковы для нас. Нам нужны большевики-специалисты по металлу, по текстилю, по топливу, по химии, по сельскому хозяйству, по транспорту, по торговле, по бухгалтерии и так далее. Нам нужны целые группы, сотни и тысячи новых кадров из большевиков, способных быть хозяевами дела в разнообразнейших отраслях знаний. Без этого нечего и говорить о социалистическом строительстве нашей страны, как и о том, что мы сумеем догнать и перегнать передовые капиталистические страны. Овладеть наукой, выковать новые кадры большевиков-специалистов по всем отраслям знаний, учиться, учиться, учиться упорнейшим образом – такова теперь задача. Теперь о государственном аппарате. Чем должен отличаться новый советский государственный аппарат от аппарата буржуазного государства? Прежде всего, наверное, тем, что буржуазный государственный аппарат стоит над массами, ввиду чего он отделен от населения непроходимым барьером и по самому своему духу чужд народным массам. Между тем как советский государственный аппарат не может и не должен стоять над массами, ибо он не может быть чужд этим массам, если он действительно хочет охватить миллионные массы трудящихся. Ну и о выборах в советы. Вы все, наверное, помните Государственную Думу. Это убудочный парламент. Она только на словах обладал решающим голосом, на деле же у нее был лишь совещательный голос, ибо в качестве цензоров над ней стояли верхняя палата и вооруженное до зубов правительство. В манифесте о создании Думы прямо говорится, что ни одно постановление Думы не может быть проведено в жизнь, если его не одобрит верхняя палата и царь. Дума не являлась народным парламентом, ибо выборы в Думу не были ни всеобщими, ни равными, ни прямыми, ни тайными. Какими же должны быть наши советы? Прежде всего, народными. Люди, выбранные в советы всех уровней, будут отвечать перед своими избирателями за работу в этих органах, регулярно отчитываться перед своими избирателями, которые в случае невыполнения своими избранниками их наказов могут отозвать нерадивых слуг народа и заменить их на другие кандидатуры. Что же касается задач нашей партии перед выборами, то мы, несмотря на нашу малочисленность, должны завоевать полное доверие избирателей конкретными делами, а не безответственной болтовней, которой грешили партии, входившие в старые, послефевральские советы. Только так, никак иначе. Учитывая всю сложность обстановки, огромность нашей территории, и то, что не везде центральная власть сумела покончить с националистами и сепаратистами, провозгласившими свои, часто марионеточные правительства, мы с Владимиром Ильичом определили срок будущих выборов – 24 марта 1918 года. Времени для начала агитации и подготовки к выборам должно хватить. Каждый гражданин Советской Республики, каждая партия будут иметь возможность показать людям, чего они стоят на самом деле: вместо безответственной болтовни за нас должны агитировать реальные дела.

Сталин закончил выступление, и все присутствующие какое-то время переваривали сказанное.

Потом слово попросил член ЦК товарищ Тамбовцев.

– Как писал великий Гете: «Суха теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет», – сказал он в начале своей речи. – Можно сколько угодно спорить о чисто теоретических вопросах строительства социализма и работе госаппарата, но лишь практика может показать правильность или ошибочность всех теоретических построений. В вопросе о работе госаппарата я полностью согласен с товарищем Сталиным. Не нужно заикливаться на социальном происхождении и партийности того или иного чиновника. Важнейший критерий – его полезность. Как говорил один из восточных деятелей коммунистического движения: «Неважно, какого цвета кошка – белого или черного. Лишь бы она ловила мышей». В конце концов, когда человек на деле поймет нашу правоту, он и сам может захотеть вступить в коммунистическую партию. Или не захотеть. Это его неотъемлемое право. И насчет выборов. Они нужны, но к ним надо серьезнейшим образом готовиться. И не пускать дело на самотек. Все большевики и им сочувствующие должны агитировать на местах за нашу партию. В определенной степени им будет

легко это делать. Ведь мы прекратили войну, дали землю крестьянам, установили рабочий контроль над заводами и фабриками. А что могут предложить народу наши противники? Лишь обещания, на которые они с февраля и так не скупались. Только где обещанное? Конечно, найдутся сладкоголосые демагоги, которые попытаются на обещаниях молочных рек с кисельными берегами попасть в советы. Надо разоблачить их обман и говорить людям только правду. Народ у нас пока еще наивен, и не сможет понять всю лживость их обещаний. Следовательно, нашим агитаторам нужно не только призывать к голосованию за партию большевиков, но и разоблачать этих лгунишек. Чуть позже мы подготовим и издадим специальные пособия по ведению агитации и инструкции по психологической войне. Да-да, товарищи, именно так, – сказал Тамбовцев, заметив недоуменные взгляды членов ЦК и Совнаркома, – это тоже война, причем порой не менее кровопролитная и ожесточенная, чем обычная. Занятия с агитаторами будет вести товарищ Андреева, Ирина Владимировна. У нее есть некоторый опыт ведения избирательных кампаний, проводимых в куда более жестких условиях буржуазного государства. И еще одно предложение, товарищи. Кроме народного парламента и Верховного Совета, народ должен выбрать и Председателя Совнаркома, главу исполнительной власти – человека, который отвечал бы в нашем государстве за все то, чем при самодержавии занимались царь и премьер-министр. Советская республика фактически находится в кольце врагов, и в таких условиях просто необходимо наличие авторитетного руководителя центральной власти, которому доверяет народ и которому предоставлен прямой мандат. В случае если мое предложение будет принято, считаю единственно возможной кандидатурой от нашей партии товарища Сталина, имея в виду его большой опыт практической работы и уважение во всех слоях общества.

– Мы поняли вашу мысль, – кивнул Ленин, – наверное, вы правы. Что еще вы можете добавить к сказанному?

– Больше ничего, товарищ Ленин, у меня все, – ответил Тамбовцев, оглядев ожившихся присутствующих. – Прошу выйти на трибуну всех желающих выступить.

Таковых оказалось немало. Заседание затянулось до позднего вечера, и итог его был закономерен – будущее советское государство обретало свою структуру и форму.

12 ноября (30 октября) 1917 года. Вечер. Петроград, набережная Невы напротив Смольного монастыря, учебный корабль Балтфлота «Смольный».

Одна из учебных аудиторий корабля.

Присутствуют:

Наркомвоенмор – Михаил Васильевич Фрунзе;

Командующий Балтфлотом – вице-адмирал Михаил Коронатович Бахирев;

Командующий особой эскадрой – контр-адмирал Виктор Сергеевич Ларионов.

Наркомвоенмор оглядел присутствующих и хмыкнул.

– Итак, господа и товарищи, должен сообщить вам, что товарищ Сталин отнесся к нашему предупреждению серьезно. Скажу сразу: нарыв решено вскрывать со всей революционной решительностью. Абсолютно недопустима ситуация, при которой англичане могли бы делать что им в голову взбредет, а нам оставалось бы только пытаться исправить причиненное ими зло. Да и на Мурмане, и на базирующейся там флотилии Ледовитого Океана ситуацию надо исправлять незамедлительно... Вы что-то хотели сказать, товарищ Ларионов?

– Да, Михаил Васильевич, – ответил тот, – я уже получил просьбу товарища Сталина выделить для усиления флотилии Ледовитого Океана один или два из кораблей 1-го класса, ранее приписанных к Северному флоту. Должен вам сообщить, что большой противолодочный корабль «Североморск» и эсmineц «Адмирал Ушаков» уже снялись с якорной стоянки и взяли курс на Киль. Время дорого, им еще предстоит обогнать в пути британскую эскадру...

– Быстро это у вас делается, Виктор Сергеевич, – лишь покачал головой адмирал Бахирев, – раз-два – и в дамках. Нам бы вашу прыть...

– Михаил Коронатович, – вздохнул адмирал Ларионов, – так болезнь проще предотвратить, чем лечить. Тем более что у вас там все так запущено. Нам нужно сделать все, чтобы наше соединение обогнало британскую эскадру. К приходу незваных гостей в доме нужно успеть навести надлежащий порядок...

– Так значит, вы уже в курсе? – протянул адмирал Бахирев. – Интересно, интересно...

– Да, в курсе, – кивнул командующий Особой эскадрой и вопросительно посмотрел на Фрунзе. – Михаил Васильевич, вы позволите раскрыть перед Михаилом Коронатовичем карты?

– Разумеется, – хмыкнул наркомвоенмор и отошел в сторонку, – только я попрошу закончить все как можно скорее, товарищи ждут.

«Какие еще товарищи?» – хотел было спросить адмирал Бахирев, но удержался, поскольку адмирал Ларионов уже начал говорить:

– В связи с опытом, полученным в ходе этой Первой, а также еще не случившейся у вас Второй Мировой войны, было принято решение о бесперспективности нахождения на закрытом Балтийском ТВД главных сил военно-морского флота Советской России. Основные его ударные силы надо вывести на Север, где они не будут скованы ни относительно небольшим театром военных действий, ни сложностью прохода через черт знает кем контролируемые проливы, которые, как вы уже знаете, довольно легко завалить минами. Линкоры, линейные крейсера и авианосцы – корабли океанские, и место их в океане. К сожалению, в настоящий момент у нас просто нет возможности для столь масштабного перебазирования. Но начинать его надо немедленно. Для этого, Михаил Коронатович, было решено усилить флотилию Ледовитого Океана не только двумя нашими кораблями, но и дополнительными руководящими кадрами. Вы этих людей знаете, поскольку большинство из них – морские офицеры-балтийцы, воевавшие рядом с вами три года бок о бок. Да-да, это те самые офицеры, чьи кандидатуры мы с вами вчера обсуждали до глубокой ночи.

Адмирал Ларионов перевел дух, осмотрел присутствующих, а затем продолжил:

– Руководство так называемого Главнамура, Михаил Коронатович, решено сменить полностью. Уж больно скользкие люди проникли в эту структуру. Кроме того, следовало бы как следует прошерстить береговое начальство, которое, по нашему русскому обычаю, заняло положение козла, охраняющего капусту. Обилие бесхозных ценностей и отсутствие элементарного контроля превращает Мурман в источник для незаконного обогащения власть имущих.

– Очень хорошо, Виктор Сергеевич, – хмыкнул Бахирев. – Давайте же послушаем, что вы там наредшали с господином Сталиным?

– Пожалуйста, Михаил Коронатович, только погодите немного, чтобы не говорить заглазно, – адмирал Ларионов, и нажал кнопку электрического звонка. – Пригласите товарищей ожидающих в соседнем классе, – сказал он появившемуся в дверях дежурному офицеру.

Через пару минут в аудиторию вошли несколько человек. Двое из них были одеты в кожаные тужурки, которые раньше носили нижние чины и офицеры бронечастей, а также авиаторы, а сейчас носят комиссары. На остальных шестерых были черные мундиры офицеров флота. Контр-адмирал, три капитана первого, и два – второго ранга. Было видно, что в обществе Фрунзе и Ларионова, людей новых и не совсем для них непонятных, они чувствуют себя несколько не в своей тарелке.

Вице-адмирал Бахирев смотрел на офицеров с каким-то странным весельем.

– Попались, соколики... – непонятно к чему буркнул он, – добро пожаловать на наши галеры, не одному мне теперь отдуваться. Вы, Модест Васильевич, присаживайтесь, да и вы, господа, тоже. Тут у нас не логово господина Дзержинского, куда, как говорят, войти легко, а выйти не очень.

При этих словах капитан 1-го ранга Петров слегка улыбнулся, а у одного из «комиссаров» чуть заметно дернулась щека.

– Да-да, присаживайтесь, товарищи! – как самый старший по должности подтвердил слова Бахирева Фрунзе. – Виктор Сергеевич, докладывайте...

– Итак, Михаил Васильевич, – сказал тот немного академическим тоном, – давайте начнем с будущего командного состава флотилии... Вот вам командующий, прошу любить и жаловать, контр-адмирал Модест Васильевич Иванов, бывший командир крейсера «Диана», и его будущий Начальник Штаба, капитан второго ранга Владимир Александрович Белли. На данный момент это наиболее подходящие командиры для замещения данных вакансий. Дело там не столько боевое, сколько организационное. Надавать неприятелю плюх смогут и мои люди, а вот привести в порядок все флотские механизмы, кроме них, больше некому.

– Простите, господа, а о чем, собственно, речь? – с некоторым недоумением спросил Модест Иванов, буквально на днях ставший контр-адмиралом. – Получается, что без меня меня женили? Нонсенс, однако!

– Речь идет о флотилии Ледовитого Океана, Модест Васильевич, – сказал Бахиров, – и вам ею командовать. Но имейте в виду: сегодня – флотилия, завтра – эскадра, послезавтра – флот. Есть куда расти. Я, между прочим, тоже комфлота не родился. Да и соответствующая помощь будет вам оказана. А она вам понадобится наверняка. Скажу сразу – бардак там, говорят, страшный, а адмирал Кетлинский только победные реляции в Петроград пишет. Корабли же небоеспособны, и в командах разброд и шатание. А англичане к двум своим старым судинам туда целую эскадру послали. Собираются Мурман у нас забирать. Керенский, будь он неладен, запустил британских козлов в огород – и теперь попробуй выгони их.

– Выгнать-то их мы выгоним, это дело нехитрое, – сказал адмирал Ларионов, – но действовать тут надо с умом. Необходимо сделать так, чтобы британцы сами создали «Causus belli» – товарищ Белли, это не в ваш огород камушек, – и чтобы в ходе своего вторжения в наши воды они стали нападающей стороной, что в конечном итоге развяжет Совнаркому руки в отношении их собственности на нашей территории. То, что в эту войну тут же ввяжутся французы, нет никаких сомнений. И это тоже позволит России немедленно аннулировать их многочисленные займы и опять же конфисковать не менее значительную собственность. Поскольку мы знаем, что страны Антанты в любом случае будут враждебны России, то лучше, чтобы это была открытая вражда. Главное в том, что эта война на Севере не потребует от нас участия в ней сухопутных армий, ограничившись лишь противостоянием военно-морских сил. Причем, скорее всего, дело ограничится боевыми действиями в северных морях и на Дальнем Востоке. Поэтому, когда мы отобьем первый наскок британцев, нужно будет приложить все силы, чтобы превратить Екатерининскую гавань в полноценную ГВМБ по типу Гельсингфорса или Кронштадта. При этом имея в виду, что дальнейшем там будет базироваться один из двух сильнейших флотов России. Работы, что называется, непочатый край... Поскольку времена у нас сейчас революционные, то партия большевиков направляет к вам комиссаром одного из своих членов. Это ваш, так сказать, заместитель по политической части. Если ситуация станет непонятной с политической точки зрения, полагайтесь на него. Товарищ Самохин, встаньте.

Со стула поднялся средних лет сверхсрочник в черном бушлате. А адмирал Ларионов продолжил:

– Прошу любить и жаловать – Самохин Петр Сергеевич, член РСДРП(б) с 1907 года. Для тамошних дел он тоже не чужой, так как кондуктором много лет, вплоть до апреля сего года служил шифровальщиком на крейсере «Аскольд». Для противодействия шпионам и диверсантам при штабе флотилии создается Особый отдел, его начальником назначается капитан первого ранга Алексей Константинович Петров. В части пресечения всякого рода саботажа и прочих преступлений против новой власти каперангу Петрову будет помогать товарищ Антон. – Усатый комиссар в кожаной тужурке встал и сдержанно поклонился присутствующим. – Вам, всем пятерым, дается ночь на сборы, а завтра ровно в восемь утра из Таврического сада вас заберет «вертушка». Два корабля моей эскадры уже на полпути к Кило, и вам придется их

догонять. – Адмирал Ларионов устало вздохнул и спросил: – Задача понятна, господин контр-адмирал? Времени мало, и поэтому в полной мере в курс всех дел вас введут уже на борту «Североморска». Вопросы есть?

Контр-адмирал Иванов покачал головой. По его виду было ясно, что мысленно он уже там, на Севере.

А Ларионов уже обратился к трем оставшимся офицерам:

– В связи с тем, что команды кораблей, стоящих в Александровске, частично или полностью небоеспособны, а их командиры профессионально непригодны и ненадежны, перед вами стоит задача набрать в Кронштадте команды и выехать в Мурманск для вступления в командование. Капитан первого ранга Алексей Михайлович Щастный назначается командиром линкора «Чесма». Капитан первого ранга Лев Михайлович Галлер назначается командиром крейсера «Аскольд», а капитан второго ранга Николай Николаевич Зубов назначается командиром Резервного экипажа, который может понадобиться на случай мирного интернирования британского линкора «Глори». Товарищ Сталин и ЦК партии большевиков уже отдали соответствующие распоряжения, и сейчас в Кронштадте, Гельсингфорсе и Ревеле уже набирают добровольцев.

– Да, товарищи, – прервал олимпийское молчание наркомвоенмор Фрунзе, – ситуация очень серьезная, и времени на раздумья, раскачку и на пустые разговоры у нас нет. Не успели мы избавиться от одной войны, и вот перед нами уже маячит следующая. Только наш решительный успех может отбить у капиталистов желание нападать на наши окраины в поисках легкой добычи. Добровольцы-балтийцы, направляющиеся на Мурман, завтра с восьми утра начинают собираться в казармах 2-го гвардейского флотского экипажа. На этом все свободны, товарищи. Помните, время не ждет!

13 ноября (31 октября) 1917 года. Полдень. ВМБ Кайзермарине на острове Гельголанд.

Капитан-лейтенант кайзермарине Лотар фон Арно де ла Перьер.

Чудны дела твои, Господи! 2 октября, когда моя U-35 уходила в свой шестнадцатый боевой поход из австрийской базы Каттаро, Германия была еще с Россией в состоянии войны. А уже 6 ноября, когда мы вернулись, потопив одиннадцать транспортов, повредив вспомогательный крейсер и эсминец, наш кайзер вовсю обнимался с русскими в Риге, заключив почетный мир с их новым премьером Сталиным. А меня ждала телеграмма, подписанная лично нашим адмиралом Альфредом фон Тирпицем – кайзер снова вернул его из отставки, да к тому же возложил на него еще и обязанности рейхсканцлера.

Мне предписывалось сдать лодку под командование моего старшего офицера и немедленно выехать поездом в Гамбург для выполнения секретного задания командования.

Как настоящий немецкий офицер, я считал, что приказ командования – закон. Поэтому я быстро собрал походный саквояж и уже вечером сел в поезд, следующий в Вену. По дороге мне пришлось сделать две пересадки – в Вене и Мюнхене. И повсюду я наблюдал сцены, похожие на «Великое переселение народов». Бесконечные эшелоны везли немецких и австрийских солдат на запад и юг – во Францию и Италию. Макаронники, наверное, уже пожалели, что сбежали из нашего союза в Антанту. Теперь против них будет вся австрийская армия. Как говорят, итальянцы существуют только для того, чтобы австрийцам было кого бить. Лягушатникам и лимонникам на Западном фронте тоже не позавидуешь. Раньше половина нашей армии воевала с русскими, теперь же на западе все пойдет по-другому.

В Гамбурге у военного коменданта я получил предписание следовать на остров Гельголанд. Для этого в порту меня ожидал постоянно стоявший под парами разъездной катер. И вот, вымотанный недельным путешествием, я стою на причале перед гросс-адмиралом Тирпицем. Здесь же пришвартован русский U-бот. По длине он почти равен моей U-35, но диаметр

корпуса у него раза в два больше, из-за чего русская подводная лодка напоминает не хищную щуку, а ленивого, но сильного сома. Это уже даже не U-бот, а настоящий подводный крейсер. Свежий ветер с Северного моря вызываяще треплет поднятый на флагштоке русского корабля андреевский флаг. А ведь еще месяц назад было бы невозможно представить подобную картину...

Гросс-адмирал выглядел неважно. Он двигался с трудом, был бледным, порой начинал тяжело дышать – словом, похоже было, что он очень болен. К тому же вместо его роскошной бороды на подбородке была лишь двухнедельная щетина.

– Лотар, мой мальчик, – сказал мне Тирпиц, – ты один из наших лучших подводников. Поэтому я хочу передать тебе приказ нашего любимого кайзера. Надеюсь, что ты с честью выполнишь этот несколько необычный приказ...

– Да, господин гросс-адмирал, я весь во внимании... – Вытянувшись в струнку, я с трепетом ждал чего-то, что должно было изменить всю мою дальнейшую судьбу.

– Господин капитан-лейтенант, – вдруг почему-то официально обратился ко мне адмирал Тирпиц, – вы должны поклясться, что никогда и ни при каких обстоятельствах не сообщите никому о том, что я вам сейчас расскажу.

– Клянусь, – коротко ответил я.

– Вот и отлично. – Тирпиц машинально потер подбородок, словно там все еще была его роскошная борода, после чего внимательно посмотрел по сторонам, будто опасался, что нас могут подслушать. Но поблизости никого не было, лишь русский вахтенный, вооруженный коротким карабином, нес службу у трапа русской подводной лодки. Мне показалось, что главнокомандующий флотом и канцлер Германской империи хочет сказать что-то, в чем сам до конца не уверен.

– Слушай меня внимательно, Лотар, – сказал он, – мы заключили мир с Россией и начали восстанавливать торговые связи. Это само по себе замечательно. Как и то, что мы сняли с русского фронта пехотные и кавалерийские дивизии и отправили их под Париж. Но это еще не все. Вчерашний противник может стать сегодняшним союзником и завтрашним другом. Кстати, ты знаешь, где находится Мурманск?

– Да, господин гросс-адмирал, – ответил я, – это новый русский порт на севере, до весны этого года он назывался Романовым-на-Мурмане. Говорят, там нет ничего, кроме льда, скал и белых медведей.

– Почти так, – улыбнулся гросс-адмирал, – а еще там есть огромные запасы английского и французского оружия, поставленного русским для войны против нас. Вполне хватит, чтобы вооружить целую армию.

– Я не совсем понимаю вас, господин гросс адмирал, – сказал я, – ведь русские вышли из войны. Тогда каким образом теперь это оружие может нам угрожать?

– Эх, Лотар, – покачал головой Тирпиц, – эти мерзкие англичане всеми силами старались сорвать наши переговоры о мире. А когда это им не удалось, они пришли в бешенство. Из Скапа-Флоу на север в сторону Мурманска вышли линкор, два тяжелых крейсера и куча транспортов с десантом. Когда они дойдут, русским придется туго.

– Что вы имеете в виду, господин гросс-адмирал? – не понял я.

– У русских там один броненосец и один легкий крейсер – оба корабля постройки начала века, – сказал мне Тирпиц, – но сопротивляться они будут отчаянно, и флага не спустят. Один снаряд, выпущенный англичанами в русские корабли, один погибший русский моряк и...

– Война между Россией и Англией неизбежна! – воскликнул я.

– Если бы все это было так просто, Лотар... – поморщился гросс-адмирал. – Русская армия устала от войны, и правительство большевиков не сможет нам дать на западный фронт ни одного солдата. Скорее всего, дипломатические отношения Петербурга и Лондона будут окончательно разорваны, а Британию русские объявят враждебной державой. Поверь мне, для

нас это тоже немало, поскольку тогда Россия станет нашим надежным тылом. Но, Лотар... – Тирпиц осторожно поднял руку и положил ее мне на плечо, – мы немного отклонились от темы. Наши генералы во Франции и Италии прекрасно справятся со своими делами сами. А наше с тобой дело – сугубо морское. Вопрос с объявлением Британии неограниченной крейсерской и подводной войны решен. Жаль наших новейших легких крейсеров, потерянных у Эзеля, они были бы сейчас очень кстати. Но с этим уже ничего не поделаешь: за ошибки надо платить. Вместо этого... – он внимательно посмотрел на меня, – ты так и не понял, для чего я это тебе все это рассказываю?

– Нет, господин гросс-адмирал, – ответил я.

– Тогда слушай, – сказал Тирпиц. – Ты выйдешь в боевой поход на русской подводной лодке, как офицер связи германского командования. Наш кайзер с премьером Сталиным договорились, что с момента возможного Мурманского инцидента вступит в силу договор, согласно которому русские станут нашими союзниками в войне на море. И твоя задача – координация совместных боевых действий русских военно-морских сил с нашим флотом. Главная задача – атаки на транспортные суда, следующие в британские порты. Это особенно важно после вступления в войну против нас САСШ. За годы благожелательного для Антанты нейтралитета янки сумели разогнать свою военную промышленность, и теперь в огромном количестве гонят военную технику в Европу. Но не только автомобили, винтовки, пулеметы, орудия и боеприпасы везут военные транспорты в порты Британии и Франции. Готовы к отправлению и огромные пассажирские лайнеры, переоборудованные во вспомогательные крейсера. Каждый из них сможет принять на борт бригаду, а то и дивизию. Командование Антанты готово завалить наших доблестных гренадер американским пушечным мясом. И ты, Лотар, должен, используя весь твой опыт, организовать совместные атаки наших подводных лодок на эти плавучие казармы, чтобы американские солдаты угодили не во Францию, а на морское дно. Русские вам в этом помогут. У них с англосаксами старые счеты. Не буду говорить вам, чем именно провинились лимонники и янки перед Россией, скажу только, что, по рассказам русских, они ненавидят англичан и американцев больше, чем нас. Вместе с русской подводной лодкой в море выйдет целое соединение: легкие и вспомогательные крейсера, а также все имеющиеся в наличии У-боты. Русская подлодка, на которой будешь находиться ты, станет флагманом этой флотилии. Хочу тебя поздравить – ты выйдешь в этот поход с новым званием. – Гросс-адмирал сделал паузу, после чего торжественно произнес: – И да поможет вам Бог, корветтен-капитан Лотар фон Арно де ла Перьер! Идем, мой мальчик, я познакомлю тебя с русским командиром...

Я набрался наглости и спросил:

– Господин гросс-адмирал, а чем мы рассчитаемся с русскими за оказанную помощь?

– Знаешь, Лотар... мы люди военные, и негоже нам совать нос в дела штатских, – сказал он. – Думаю, что Крупп, Симменс, Гальске и Борзиг найдут, чем достойно отблагодарить русских за сделанное добро. Поверь, это ничто по сравнению с выигранной войной. Идем!

И мы пошли на русскую лодку. Я сгорал от любопытства, но старался не показывать вида. У трапа нас встретил русский офицер и мимо вахтенного матроса провел на борт.

А о том, что было дальше, я не имею права никому ничего рассказывать до самой своей смерти – настолько велика эта тайна. Но я горд, что именно меня, а не кого-то другого удостоили чести принять участие в этом славном деле...

13 ноября (31 октября) 1917 года. 12:30 СЕ. Западная Балтика, залив Килер-Ферде, в 75-ти кабельтовых северо-северо-западнее Кильской бухты.

С высоты птичьего полета отряд кораблей Северного флота, спешащий ко входу в Кильский канал, был виден издали: белые, будто проведенные карандашом, кильватерные следы на серой взрыхленной поверхности моря. Возглавлял отряд большой противолодочный корабль «Североморск», следом шел эсминец «Адмирал Ушаков». Замыкали строй корабли обеспече-

ния: танкер «Дубна» и аварийно-спасательное судно «Алтай» Фактически все они (за исключением авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов») приписанные в 2012 году к Северному флоту, возвращались на свою старую новую базу в Кольском заливе.

Зрелище сие, что не говори, является завораживающим для любого военного моряка, да и не только. Все, кто находился на борту вертолета, любовались эти зрелищем, разглядывая идущий полным ходом отряд через квадратные стекла иллюминаторов. Чудеса этого дня, уже, казалось, превысившие всякую допустимую меру, все никак не кончались.

А началось все шесть с половиной часов назад (ровно в восемь утра по Петроградскому времени) когда на площадку в Таврическом саду опустился прибывший с Особой Эскадры винтокрылый аппарат. И пусть к этим стрекочущим «вертушкам» жители расположенных рядом домов успели привыкнуть, но далеко не каждый мог похвастаться, что видел их вблизи. А уж тех, кто побывал внутри них, слетав куда-то по особо срочным и важным служебным делам, в Питере и вовсе были считанные единицы.

Отбывающие на Мурман господа и товарищи без нескольких минут восемь собрались у ограды Таврического сада, непроизвольно разделившись на две компании: «флотских» и «советских». В число «флотских», одетых в черные шинели, входило новое командование флотилией Ледовитого Океана: контр-адмирал Модест Иванов – командующий флотилией, кавторанг Владимир Белли – его начштаба, каперанг Алексей Петров – начальник отдела разведки и контрразведки (по новому – «особого отдела»).

Кроме этих офицеров, у Таврического сада присутствовал и неизвестно как прибывший к этой группе никому не ведомый еще «коргард» (корабельный гардемарин) – восемнадцатилетний Сережа Колбасьев, в чьи служебные обязанности входило летописание будущего боевого пути флотилии. Не так уж и часто прирожденный моряк внутри одного человека сочетается с прирожденным писателем, чтобы мимо этого явления могли пройти самые ответственные в Советской России товарищи.

– Писатель, говорите? – спросил Сталин, разглядывая личное дело безвестного учащегося Морского кадетского корпуса и с легким хрустом сминая мундштук папиросы «Герцеговина Флор». – Писатель – это хорошо. Нам будет крайне нужна книга, излагающая нашу версию событий, происходящих сейчас на Севере. А если человек немного в чем-то ошибется, то тут мы ему поможем, поправим, укажем, какие моменты были главными, а какие нет... Это вы хорошо придумали, товарищ Ларионов... Хорошая книга в нашем деле может значить не меньше дивизии линкоров...

Вот так будущий «отец народов» приложил руку к судьбе будущего знаменитого писателя-мариниста. И первый роман «Северная заря» был написан Сергеем Адамовичем Колбасьевым как раз по горячим следам о событиях в Мурманске и Александровске зимой 1917-1918 годов.

Кроме «флотских», традиционно выдержанных и невозмутимых, замкнутых в кокон своей касты, у ограды Таврического сада собрались и товарищи в черных кожаных тужурках, принадлежащие совсем иной, новой формации. Возглавлял их двадцатисемилетний Вячеслав Скрябин, более известный по партийной кличке Молотов. Он был назначен уполномоченным ВЦИК по Мурманскому особому району – с момента прибытия его к месту назначения тот отделялся от Архангельской губернии и переходил в прямое подчинение Петрограду. То есть становился чем-то вроде губернии, а Вячеслав Михайлович – кем-то вроде губернатора. И хотя это слово считалось уже старорежимным, прозвище это к Молотову пристало надолго.

Вторым номером среди «советских» был комиссар и одновременно заместитель командующего флотилией по политической части Самохин Петр Сергеевич. Это был старый большевик и кадровый моряк, прошедший на «Аскольде», казалось, половину своей жизни. Крейсер «Аскольд», этот ветеран русского флота, немало послуживший Российской империи, теперь так же, верой и правдой, послужит и Советской России. А то как же: в строю он не более пятна-

дцати лет, и при нормальном уходе знаменитому крейсеру еще служить и служить, в том числе и учебным кораблем, на котором молодые моряки будут учиться всем премудростям службы.

Сейчас комиссар Самохин думал про себя, уцелел его товарищ по партии и сослуживец гальваный унтер Петрухин в кровавой круговерти революционных событий или работу на флотилии придется начинать с нуля. Да и сам Петр Сергеевич никогда не думал, что снова придется вернуться на «Аскольд». Но партийное поручение – это как приказ, и хошь не хошь, а его надо выполнять.

Третьим человеком в кожаной тужурке был «товарищ Антон», сотрудник ведомства товарища Дзержинского. В прошлой своей партийной жизни Антон Иванович Рыбин занимался выявлением провокаторов охраны, засланных в партию. Кое-кого из предателей приходилось отправлять на тот свет. Грязная работа, но без нее никак. На Мурмане он должен был стать помощником и правой рукой каперанга Алексея Константиновича Петрова. Если бывшему военно-морскому агенту в Скандинавии (читай, почетному шпиону), действующему под дипломатическим прикрытием, было поручено наладить разведывательную работу на Русском Севере, то перед Антоном стояла более трудная задача. Он должен был бороться с «контрой»: казнокрадами, саботажниками, и теми, кто, прикрываясь ультрареволюционными фразами, пытался оторвать Мурман от России.

В расплодившихся как кролики ревкомах окопалось немало идейных собратьев «иудушки Троцкого». Хватало в них и обычных уголовников, которые, прикрываясь трескучей революционной фразеологией, занимались банальным грабежом. Чтобы все сразу поняли, кто в доме хозяин, Антону обещали помощь. Целая рота морских пехотинцев, дислоцированных на постоянной основе на кораблях Особого отряда, сразу по прибытии перейдет в его оперативное подчинение. Мурманск – не Питер, и такого количества прекрасно обученных бойцов вполне хватит, чтобы в случае чего вычистить город от всей нечисти – примерно так, как это произошло недавно в Петрограде. В дальнейшем перед Рыбиным была поставлена задача с помощью морпехов сформировать на Мурмане из железнодорожных рабочих и местных жителей бригаду Красной Гвардии для охраны революционного порядка.

Были у ограды Таврического сада, как водится, и провожающие: в их число, кроме адмирала Бахирева, входили друзья и сослуживцы отправляющихся в дальнейшее путешествие.

И вот с начавшего светлеть утреннего неба на площадку Таврического сада опустилось режущее винтами винтокрылое чудовище. Наступил час расставания. Но сначала всем присутствующим (кроме тех, кто знал, что должно произойти) понадобилось какое-то время, чтобы прийти в себя от удивления. Из раскрытой двери приземлившегося винтокрылого аппарата, придерживая руками свои широкополые шляпки, вышли экс-императрица со старшими дочками, и с ними – мальчик Алеша, который год назад был известен всей России как цесаревич и наследник российского престола. Бодрый вид парнишки говорил о том, что он изрядно поправил здоровье, и теперь уже нет нужды следить за каждым его шагом. Впрочем, для отрекшихся от власти Романовых все это было уже сугубо семейным делом.

Кивнув присутствующим и аккуратно, бочком, обойдя людей в черных кожаных куртках, члены семьи бывшего императора России сели в мотор со свирепым названием «Тигр» и отправились в Гатчину, где их уже с нетерпением ожидали отец и бабка. А отбывающих зычный голос бортмеханика вертолета, привыкшего перекрикивать рев винтов, не в самом вежливом тоне пригласил «занять места согласно купленным билетам».

Когда последний пассажир, кряхтя с непривычки, устроился на жестком металлическом сиденье в салоне вертолета, с удвоенной яростью взревели двигатели – и железная птица рванулась вверх, в хмурое питерское небо. Полет на высоте полутора верст был скучен до крайности. Довольно быстро вертолет пробил нижний край облачности и погрузился в сплошное белое молоко. Противный вой моторов, тряска, ходящее ходуном под задницей сиденье... но во время службы на миноносцах моряки испытывали и не такое. Поэтому, подняв воротники

шинелей, они попытались отрешиться от всего происходящего и немного вздремнуть. Почти сразу к офицерам присоединился и кондуктор Самохин, прошедший вместе с «Аскольдом» не один тихоокеанский тайфун. Хуже всего пришлось товарищам, не имевшим опыта морской службы, в частности Молотову. Но нет ничего такого, с чем не мог бы справиться бумажный пакет и молодой организм.

Кто знает, о чем думали люди, сидя во чреве гремящей железной птицы, несущейся в сплошном тумане над покрытой первым снегом землей... Точно так же, наверное, и сама Россия неслась во мгле навстречу своему неизвестному будущему.

О чем думал свежее испеченный контр-адмирал и старый холостяк Модест Иванов, за долгие годы службы в императорском флоте повидавший дальние страны, моря и насмотревшийся на чужую жизнь и чужие нравы? Быть может, о том, что советское правительство поставило перед ним труднейшую задачу: фактически на голых скалах, в условиях заполярной тундры, создать военно-морскую базу масштаба Кронштадта и Севастополя. Работы, что говорится «начать и кончить», что ничуть не исключает ее важность и необходимость.

Все правильно: и Балтика, и Черное море в условиях развития минного дела, аэропланов и подводных лодок превращаются для кораблей первого ранга в ловушку, из которой нет выхода. Океан – вот стихия для линкоров и крейсеров. Но ни в Севастополе, ни в Кронштадте океаном даже и не пахнет. Замкнутые моря с узкими, как бутылки горлышками проливами, контролируемых Бог знает кем.

А новая база на Севере позволит обрести свободный выход в открытое море. Но это будет потом, а пока там практически ничего нет, кроме тоненькой, сделанной, что называется, на живую нитку, железнодорожной колеи, связывающей Кольский залив с центральными губерниями. И все предстоит создавать с нуля: начиная от казарм для команд и кончая доками и судоремонтным заводом, без которого флоту просто некуда деться. А тут еще эти англичане, будь они трижды неладны...

О чем думал капитан 2-го ранга Владимир Белли? Может, о той таинственной незнакомке, с которой он простился на Воскресенской набережной, не желая раскрывать ее инкогнито даже перед лучшими друзьями... Как ее звали – Ольга, Татьяна, Елена или Мария – и кто она? Так и осталось неизвестным ее имя. И что с ней стало в нашей истории, знает один только Бог. Тиф, «испанка», холера, разбой и грабежи, голод и холод первых революционных зим, бессудные казни заложников, «красный террор»...

Известно лишь, что старый моряк до конца своей долгой жизни (а умер он в возрасте девяносто шести лет) бережно хранил ее фотокарточку. Только Петроград новой реальности – куда более безопасный город, чем он был в той, нашей реальности, а кавторангу Владимиру Белли всего тридцать лет. Он молод, красив, на хорошем счету у нового начальства, и ничего еще не предпринято...

О чем думал каперанг Петров? О застрявших в ноге осколках японского фугаса (привет от микадо из 1904 года)... О бывших друзьях, которые могут оказаться злейшими врагами. О том, что и саму флотилию Ледовитого Океана, и береговые службы придется очищать от людей, некритически оценивающих участие России в Антанте и ставящих «союзнические» отношения с Англией и Францией превыше интересов самой России. А ведь есть еще банальные казнокрады, жулики и взяточники всех мастей, готовые за деньги напасть на свою страну. И если Викжель в Питере уже обезврежен, то на Мурмане еще процветает аналогичный Совжелдор, а также целый куст разного рода «революционных комитетов», унаследованных от февральской эпохи и переполненных проходимцами всех мастей. Они вносят дезорганизацию в жизнь Мурмана, и порой бывает трудно понять, глупость это, алчность лихоимца или изощренное предательство.

То, что капитан 1-го ранга успел узнать о состоянии дел на Севере, можно было охарактеризовать лишь термином «Клоака МАксима» – так в древнем Риме называли городскую кана-

лизацию. И эту клоаку ему предстояло вычистить, погрузившись в нее чуть ли не с головой. К счастью, этим заниматься будет не только он, но и «товарищ Антон» – человек, который при первой встрече произвел на него вполне приятное впечатление. Вот пусть он и возьмет на себя все эти «ревкомы», а также взяточников и жуликов, а он, каперанг Петров, займется более привычным для него делом.

Мысли Рыбина были почти в точности похожи на мысли каперанга Петрова. В условиях, когда партия декларировала переход власти в руки трудового народа и начало мирного строительства государства всеобщей справедливости, девяносто процентов бывших товарищей из соратников и попутчиков превратились в лютых врагов, ибо не умели ничего другого, кроме как разрушение всех основ.

Антон Рыбин, в числе прочих, участвовал в допросах уцелевших участников «винного мятежа», и знал, кому именно было выгодно это «разрушение основ». При этом ему открылись такие бездны предательства и порока, что человек с более слабой психикой не выдержал бы и наложил на себя руки. Провокатор все равно остается врагом пролетариата, даже если работал не на царскую охранку, а на французскую, британскую или на американскую разведку... Куда там тайнам нилусовских «Сионских мудрецов»... Антон увидел воочию, какой змеиный клубок представляли собой «птенцы Троцкого», приехавшие в Россию для разжигания «мирового пожара». Хорошо, что на них нашлись «пожарные», которые пулеметами, словно огнетушителями, загасили троцкистско-свердловскую нечисть.

Но в Мурмане все было еще впереди. И он, товарищ Рыбин, должен очистить от этой скверны Советский Север, как товарищ Дзержинский сейчас очищает Петроград и центральные губернии.

А Самохин, привалившись спиной к вибрирующему борту вертолета, думал о том, жив ли его товарищ и соратник по партии гальваный унтер Петрухин. И если цел, то именно с него и начнется все комиссарство. Сейчас, когда после побед под Моонзундом и Ригой партия большевиков перестала ассоциироваться у многих с наклеенным на нее ярлыком предателей и германских шпионов, пришла пора расширения рядов партии за счет вступления в нее сочувствующих рабочих «от станка», а также матросов, солдат, и даже офицеров. Новый этап развития партии большевиков, когда она из оппозиционной превратилась в правящую, требует от нее и новых методов работы с людьми. Попытка же увеличить численность за счет так называемых «партий-попутчиков», предпринятая летом этого года, не дала большевикам ничего, кроме новых проблем. Попутчики, они и есть попутчики, и союз с ними временный – до того самого момента, когда логика политического развития неумолимо сделает их непримиримыми врагами.

И, кажется, такой момент настал. Кто-то из новых оппозиционеров кричит об узурпации Сталиным власти, кто-то о том самом «сломе до основания», оборонцы и сторонники революционной войны возмущаются «позорным миром», а эсеры вопят, что «Декрет о Земле» нагло украден из их партийной программы... А может, все дело в том, что эти люди умеют только разрушать, и совсем не желают строить. Это, конечно, печально, но в первую очередь для них же самих. Ибо если враг не сдается, его уничтожают. В этом Самохин был полностью согласен с товарищем Сталиным.

О чем думал товарищ Молотов после того, как справился с первыми приступами тошноты? Может, о том, что в далеком северном краю все настолько еще голо и пусто, что именно там проще всего будет попытаться построить новую жизнь, превратив Мурман в витрину социализма и новых, братских отношений между гражданами Советской России.

Во время беседы, которая состоялась вчера глубокой ночью, товарищ Сталин сказал, что все предстоит делать буквально с нуля. И царское, и Временное правительство успели лишь организовать примитивный порт, пригодный для выгрузки грузов с пароходов прямо на берег, и в авральном режиме построить однопутную железную дорогу до Питера... Все же осталь-

ное – необходимое, чтобы Мурманск стал крупным морским и рыбным портом, центром советской Заполярья, промышленным городом – теперь предстоит сделать большевикам. Для этого надо не только удержать на месте тех рабочих и инженеров, что уже трудятся на Севере, но и привлекать к делу все новые и новые трудовые резервы. Работы не просто много, ее очень много. Но она должна быть сделана. В противном случае первое в мире государство победившего трудового народа просто сомнут окружающие его международные империалисты...

Итак, люди думали. Каждый о своем. А что им оставалось делать, когда вокруг все ревет, гремит, когда невозможно разговаривать, и снаружи не видать не зги. А железная стрекоза несется в этой мути, рассекая облачную кашу, навстречу какой-то только ей ведомой цели.

Часа через полтора нижний край облачности рассеялся, стал приподниматься, и по странному совпадению в иллюминаторах левого борта среди белых клякс на несколько минут показался порт Ревеля: корабли, причалы, и на самом горизонте – город. Но это наваждение мелькнуло и пропало, смытое очередной белесой мутью. А когда облака разошлись в следующий раз, то внизу уже были только серые седые волны зимней Балтики.

Вертолет, снижаясь, приближался к своей цели. Впереди показались серые черточки кораблей Особой эскадры, крейсировавшей примерно в шестидесяти милях южнее города Або. Тут уж всех пассажиров будто магнитом повыдирали из их кресел. Такого зрелища пропустить не хотел никто. Все они, кое-как держась на ногах от тряски, столпились за открытой дверью в пилотскую кабину, жадно вглядываясь в удивительные, ни на что не похожие боевые корабли. К одному из них – огромному, словно плавающий ипподром – и направился, постепенно снижаясь, их вертолет.

Но это был не конец пути, а только промежуточная посадка. Едва успели замереть лопасти, как после короткого знакомства с командиром этого авианесущего корабля каперангом Андреевым командование будущего Северного флота вместе со всем своим багажом отправили на борт стоящего наготове другого вертолета. Тот тут же взревел моторами и поднялся в воздух, устремившись в направлении отряда кораблей. Они сейчас подходили к славному городу Килью.

Второй этап полета, продолжавшийся вдвое дольше первого, проходил над Балтийским морем, Южной Швецией, проливом Эресунн, Данией, снова над Балтийским морем. Через четыре часа полет завершился благополучной посадкой на вертолетной площадке БПК «Североморск», что находился у входа в залив Килер Ферде. Пассажиры, одуревших за шесть с половиной часов тряски и рева и покрывших тысяча триста шестьдесят километров пути, представили командиру корабля, капитану 1-го ранга Перову. Потом их развели по каютам, ради чего пришлось «уплотнить» нескольких офицеров и мичманов.

Пройдет еще несколько часов, и отряд, согласно договоренности с германским командованием, вне всякой очереди пройдет Кильский канал и с наступлением темноты отправится на прорыв британской блокады Северного моря. Вперед, и только вперед!

**14(01) ноября 1917 года. Вечер. Швеция. Стокгольм.
Майор Османов Мехмед Ибрагимович.**

Наконец-то я занялся привычным делом... А именно – отправился с секретной миссией за рубеж.

За два дня до этого мне позвонил и попросил зайти начальник военной разведки генерал-майор Потапов. Сейчас он занимается обеспечением наших спецопераций. Человек знающий, прекрасный профессионал, так что работать с ним – одно удовольствие.

Зашел я к нему в кабинет – и обомлел. Рядом с Николаем Михайловичем за столом сидел человек, которого я сразу узнал, несмотря на то, что он был в штатском. Это была живая легенда, знаменитый «красный граф» – генерал-майор Алексей Алексеевич Игнатъев. Помню,

как в свое время я зачитывался его книгой «Пятьдесят лет в строю». Я подался в военные разведчики во многом благодаря влиянию написанного в этих мемуарах.

– Добрый день, Мехмед Ибрагимович, – вежливо поздоровался со мной генерал Потапов, – прошу познакомиться, – тут он показал рукой в сторону своего коллеги, – генерал-майор Игнатъев.

– А вы, Алексей Алексеевич, познакомьтесь, – генерал Потапов кивнул в мою сторону, – наш коллега из будущего, майор Главного разведывательного управления Генштаба Османов Мехмед Ибрагимович.

Тот с легким любопытством посмотрел на меня. Похоже, что генерал Потапов уже поведал ему, кто мы такие и откуда взялись. Ну и пусть, мы как-то раз уже обсуждали с ним список лиц, допущенных к СГТВ – «Самой Главной Тайне Века». И «Красный граф» тоже был в этом списке. Причем тайна-то была секретом Полишинеля – невозможно долго скрывать появление из ниоткуда целой эскадры с авиагруппой и батальоном механизированного десанта на борту. Не поймут-с предки, обязательно докопаются до истины!

– Мехмед Ибрагимович, хочу предложить вам поучаствовать в одном предприятии, – сказал мне генерал Потапов. – Однако оно небезопасно. Но ваше участие в нем было бы крайне желательно.

Я, что называется, с ходу наострил уши. Похоже, русская военная разведка хочет предложить мне некий зарубежный вояж. А что, неплохо было бы куда-нибудь прокатиться, а то я что-то засиделся в тылу. Хочется настоящей работы! Ладно, послушаем...

– Задание будет заключаться в следующем, – начал Николай Михайлович, – Алексей Алексеевич завтра отправляется в Стокгольм, где встретится со своими старыми знакомыми – высшим командованием шведских вооруженных сил. По нашим – да и по вашим, кстати, сведениям – Швеция оказывает главам финских националистов большую помощь, вплоть до формирования отрядов так называемых «добровольцев», чтобы вооруженным путем оторвать Финляндию от Советской России. В вашей истории это им удалось сделать, развязав в стране гражданскую войну. На помощь финским сепаратистам тогда пришли немцы и шведы. С немцами, после подписания мирного договора с Германией, все ясно. Помощи от них уже не будет. А вот шведы...

– Все понятно, Николай Михайлович, – сказал я. – Надо отправиться в Швецию вместе с Алексеем Алексеевичем, и провести там соответствующую работу, чтобы шведские власти прекратили помощь финским сепаратистам. Без иностранной помощи финские красногвардейцы при поддержке матросов из Гельсингфорса легко покончат с этими, как их у нас называли, «белофиннами».

– Именно так, – кивнул мне генерал. – Алексей Алексеевич имеет хорошие связи в Стокгольме. В частности, он лично знаком с начальником генерального штаба Швеции, а также другими высокими чинами королевской армии. Если помните, он перед войной в течение четырех с лишним лет был русским военным агентом в скандинавских странах.

– Все ясно, – сказал я, – Алексей Алексеевич едет туда, так сказать, официально, как военный представитель нового Советского правительства. А в качестве кого туда еду я? По всей видимости, для меня будет придумана соответствующая легенда?

Генералы переглянулись, а потом Николай Михайлович сказал:

– Именно так, Мехмед Ибрагимович. С учетом вашей характерной внешности, – он усмехнулся, – мы хотим предложить вам следующую легенду. Выбудете выдавать себя за торговца оливковым маслом из Бейрута. Сейчас через Швецию сплошным потоком идет военная контрабанда. Скандинавы покупают в нейтральных или воюющих странах продовольствие, и тут же перепродают его Германии, которая до заключения мира с нами находилась в жесткой блокаде. Вот вы и будете одним из таких торговцев, что хлынули в нейтральные страны, чтобы зарабатывать на этой самой военной контрабанде большие деньги. Соответствующие

документы мы вам сделаем... Надеюсь, Мехмед Ибрагимович, вы еще не забыли арабский язык? Я слышал, вы владеете им в совершенстве...

Я улыбнулся в ответ.

– Нет, не забыл, Николай Михайлович. Я говорю свободно по-арабски – так же, как по-турецки, по-немецки и по-французски. Немного знаю английский и фарси. И еще же афгани.

– Эх, Мехмед Ибрагимович, – вздохнул генерал Потапов, – вы настоящая находка для русской военной разведки. Жаль, что я не смогу уговорить адмирала Ларионова откомандировать вас в мое распоряжение. На какое имя сделать вам документы?

– Чтобы особо не ломать голову, – ответил я, – пусть документы выпишут на уважаемого Мехмеда-Хаджи из Бейрута, восточного негодянта.

Весь следующий день у меня был полон хлопот. Я запасался необходимыми для моего ремесла девайсами, прослушал подробнейший инструктаж у Александра Васильевича Тамбовцева, переговорил с главой нашей дипломатии Чичериным. Напоследок получил добро у товарища Сталина. Кроме того, я почитал кое-что из наших материалов о работе русской разведки в Швеции и других скандинавских странах.

Перебросили же нас в Стокгольм уже протоптанным Ниной Викторовной путем. Вертолетом до «Кузнецова», оттуда – до Хандена, где нас уже ждал кузен старого знакомого Нины Викторовны, Магнуса Свенсона. До Стокгольма мы добирались с Алексеем Алексеевичем врозь, но встретились в «Гранд-Отеле», где на имя каждого из нас был уже снят номер.

Генерал Игнатъев сразу же отправился договариваться о встрече со своими старыми знакомыми, а я решил принять с дороги ванну. Но едва я разделся и залез в ванну, вошла молодая и красивая (про таких говорят – «кровь с молоком») горничная. Она вежливо поздоровалась со мной, взяла мочалку, намылила ее, и стала меня намыывать меня, словно я был беспомощным младенцем. И тут я вспомнил, что в эти времена в Шведском королевстве обязанности банщиков исполняли исключительно женщины.

Помывшись, я привел себя в порядок и стал готовиться к выходу в город. Строгий черный костюм, накрахмаленная манишка (ужасная гадость), до блеска начищенные штиблеты. Пальто с белым шарфом и красная феска на голову: назвался Махмед-Хаджи – будь любезен носить.

Я спешил на важную встречу: на площади у Королевского оперного театра (того самого, в котором в 1792 году заговорщики пристрелили шведского короля Густава III) меня ждал господин Магнус Свенсон.

Дело в том, что мы с генералом Игнатъевым решили двигаться сразу по двум направлениям. Он будет обрабатывать шведских военных и придворных, я – промышленников и политиков. И с последними меня должен был свести господин Свенсон.

Ага, а вот и он сам. Я узнал его по фотографии, которую незаметно для коммерсанта сделала в свое время Нина Викторовна. Меня он тоже сразу узнал: красная феска – вещь весьма приметная, и обознаться было просто невозможно.

– Добрый день, господин Свенсон, – поздоровался я, когда коммерсант подошел ко мне, узнав меня по описанию.

– Добрый день, господин Мехмед-Хаджи, – вежливо ответил тот, приподняв над головой котелок. – Если вы не против, то давайте проедем туда, где мы сможем поговорить о том деликатном деле, с которым вы приехали в наше королевство.

– Я не против, – лаконично ответил я. – Надеюсь, что лица, которым будет интересно меня выслушать, тоже будут там присутствовать?

– Да, они уже там, – сказал Свенсон.

Он повернулся назад и махнул рукой. На площадь с одной из улочек вывернул автомобиль с никелированными спицами и кожаным складным верхом. Он остановился рядом с нами, и шофер в куртке с двумя рядами блестящих пуговиц, выйдя из машины, предупредительно открыл нам дверь.

– Садитесь, – сказал мне Свенсон.

Мы вольготно устроились на мягких кожаных сидениях. Автомобиль тронулся с места...

14(01) ноября 1917 года. Поздний вечер. Швеция. Стокгольм.

Майор Османов Мехмед Ибрагимович.

На авто, за рулем которого сидел неразговорчивый водитель, мы долго плутали по улочкам шведской столицы. Наконец машина остановилась у ворот большого особняка, окруженного высоким забором. Водитель посигналил. Ворота открылись, и мы въехали на просторную площадку перед особняком, где уже стояло несколько таких же роскошных легковых автомобилей. Похоже, что мне предстояла встреча с теми, кого во всех странах называют истеблишментом.

Свенсон, до этого сидевший рядом со мной и болтавший всякую чепуху о погоде и рыбалке, сразу стал серьезным.

– Господин Мехмед-Хаджи, – сказал он, – я попрошу вас следовать за мной. Вас уже ждут.

Я послушно пошел за своим проводником, прокручивая в уме тезисы предстоящей беседы.

В большом хорошо освещенном зале на мягких креслах, покрытых белоснежными чехлами, сидело несколько человек. Они негромко о чем-то беседовали, и мгновенно замолчали, увидев меня.

Я внимательно посмотрел на присутствующих. Некоторые были мне знакомы – по фотографиям, разумеется. Вот пожилой седовласый мужчина с запавшими глазами и аккуратной седоватой бородкой – это премьер-министр Швеции Карл Свартц. Если мне память не изменяет, он стал премьером в марте этого года, и вскоре должен уступить свою должность Нильсу Эдеру. А вон тот человек лет тридцати-тридцати пяти, в очках, одетый в смокинг – это... Вот так так! Он, определенно он...

Я поклонился этому человеку, с любопытством поглядывающему на меня. Передо мной сидел Густав-Адольф, герцог Вестерботтенский, наследник шведского престола.

– Добрый вечер, Ваше королевское высочество. Я рад, что вы сообразовали найти время, чтобы выслушать меня.

Будущий шведский король заулыбался и кивнул мне.

– Господин Мехмед-Хаджи, – сказал он, я вижу, что вы уже догадались, кто здесь находится, поэтому давайте не будем терять время на ненужные церемонии, и сразу перейдем к делу. Мы знаем, что вы прибыли в наше королевство с поручением от нового правительства России. До нас дошли сведения, что новая власть, сумевшая достойно завершить четырехлетнюю войну с Германией, оказалась достаточно благородной, чтобы гуманно обойтись с семьей последнего русского царя. Кстати, пользуясь случаем, я попрошу вас передать небольшое послание моей супруги ее кузине, императрице Александре Федоровне.

И шведский принц протянул мне небольшой надушенный конвертик, запечатанный печатью с тремя коронами.

– Теперь о государственных делах, – продолжил он, – я полагаю, что лучше всех о них может сообщить вам господин Свартц.

«Министр государства» (так по-шведски звучала его должность) прокашлялся, посмотрел на нас исподлобья и принялся излагать мне, как я понял, официальную позицию шведского правительства на происходящие в России и вокруг нее события.

– Господин Мехмед-Хаджи, – сказал он, – мы с тревогой наблюдаем за тем, что творится в соседней с нами стране. Война, революция, свергнувшая власть царя, потом еще одна революция, беспорядки в столице вашего государства и на его окраинах. Особенно болезненно мы

воспринимаем происходящее в Финляндии – стране нам не чужой, бывшей когда-то частью шведского королевства.

– А что, собственно, тревожного и необычного происходит сейчас в Финляндии? – спросил я, воспользовавшись тем, что господин Свартц на мгновение замолчал – видимо, для того, чтобы перевести дух.

– В Финляндии, господин Мехмед-Хаджи, – сказал он, – новые российские власти пытаются с помощью вооруженной силы подавить национальное движение, возглавляемое господином Свинхувудом. Это не может нас не тревожить.

– Но, ведь господин Свинхувуд это еще не вся Финляндия, – ответил я. – Есть люди, которые видят свою страну в составе Советской России. И с их мнением тоже необходимо считаться, не так ли? Да и отряды «шуцкора», которые подчиняются господину Свинхувуду, далеко не овечки. Они неплохо вооружены, и сами не прочь уничтожить своих оппонентов.

– Господин премьер-министр, в своих внутренних делах, мы как-нибудь разберемся сами, – сказал я. – И нам не доставит удовольствие видеть, как некоторые соседние державы попытаются вмешаться в процессы, происходящие в нашей стране. Мы никому не хотим угрожать, но предупреждаем, что подобное вмешательство не останется без ответа. У нас для этого вполне хватит сил. Я думаю, что господин Свенсен уже рассказал вам, какими возможностями сейчас располагает эскадра адмирала Ларионова, а также прекрасно показавшая себя в боях под Ригой механизированная бригада Красной Гвардии? Если какая-либо страна решит воспользоваться временной слабостью России и попытается поставить под сомнения ее жизненные интересы, то в самом ближайшем будущем эта страна сможет об этом горько пожалеть.

Не ожидавшие такого жесткого тона, премьер-министр и наследник престола переглянулись. Но доводить переговоры до полного разрыва, по-видимому, не входило в их намерения. После минуты неловкого молчания беседу продолжил герцог Вестерботтенский.

– Господин Мехмед-Хаджи, – сказал он, – давайте поговорим о том, что можно сделать для несчастной Финляндии, которую сейчас раздирает смута. Мы не хотим вмешиваться в дела новой России, частью которой является Финляндия. Мы не намерены оспаривать этот факт. Мы лишь заинтересованы в том, чтобы там не вспыхнуло кровопролитие.

– Я понимаю вас, Ваше королевское высочество, – примирительно сказал я, – но, оказывая помощь одной из конфликтующих сторон, вы заставляете нас оказывать помощь и другой стороне. А это то же самое, что тушить огонь керосином. Кроме того, возбуждение ненависти по национальному признаку – в данном случае к русским – это плохая идея. Должен вам сказать, что правительство моей страны, придерживающееся принципа равенство всех граждан России вне зависимости от происхождения, вероисповедания или национальной принадлежности, будет крайне жестко относиться к попыткам националистов взять власть в любой части бывшей Российской империи. Может быть, лучше снизить напряжение, разоружив обе стороны? И пусть они голосованием на уже назначенных на весну выборах разрешат спор, кому быть правящей партией в Финляндии. Кстати, шведы, проживающие в Финляндии, тоже смогут создать свою партию и принять участие в этом голосовании.

– Это было бы хорошим ходом, – подал голос Карл Свартц, – и мы приветствовали бы подобный вариант. К тому же...

– К тому же, господин премьер-министр, – подхватил я, – война между Россией и Германией закончилась, и Балтийское море вскоре станет свободным для торгового судоходства. Россия остро нуждается в товарах, производимых в Швеции. Ваши предприятия из-за военных действий не были полностью загружены и несли убытки. Сейчас у них появилась прекрасная возможность заработать.

После этих слов двое пожилых мужчин, внимательно слушавших наш разговор, оживились и переглянулись. Я понял, что это представители промышленных кругов Швеции.

– Господин Мехмед-Хаджи, – сказал один из них, – я являюсь членом правления фирмы «Бофорс». Вы абсолютно правы: война сказалась на нашей промышленности. Правда, наша фирма неплохо зарабатывает на производстве вооружения для королевской армии и флота. Но, действительно, некоторые мощности по причине войны простаивают. И мы были бы рады поговорить с представителями вашей страны на предмет возможных заказов. Только, господин Мехмед-Хаджи, вы, кажется, решили использовать для производства необходимых для России товаров мощности германских заводов?

– Вы правы, господин... – Тут я замолчал, и представитель фирмы «Бофорс» подсказал мне: «Юхан Петерсен». – Так вот, господин Петерсен, вы правы, только в настоящее время Германия продолжает вести боевые действия, и все ее предприятия работают на войну. Возможно, в недалеком будущем они перейдут на производство мирной продукции. А пока, увы, они не могут нам поставить всю номенклатуру изделий, так остро необходимых нам. А вот Швеция, к своему счастью, уже больше ста лет ни с кем не воюет...

– Я понял вас, господин Мехмед-Хаджи, – сказал Петерсен, – я думаю, что мы могли бы сотрудничать с вашей страной с большой взаимной пользой.

– Вот и отлично, – сказал я, – господа, я надеюсь, что сказанное сегодня здесь не останется лишь благими пожеланиями. Чем меньше будет недоразумений между нашими странами, тем лучшими будут взаимоотношения между нами. Торговать – лучше, чем воевать. Ведь мы соседи, а соседи должны жить дружно...

Попрощавшись с присутствующими, я отправился в гостиницу «Гранд-Отель», где меня уже поджидал с нетерпением генерал Игнатьев.

16(3) ноября 1917 года. Полдень. Петроград. Таврический дворец. Комната заседаний председателя Совнаркома.

Тамбовцев Александр Васильевич.

Сегодня мы собрались у Сталина для обсуждения одного весьма важного и не терпящего отлагательств вопроса. А именно – что нам делать с так называемой Украинской Народной Республикой.

Все лето 1917 года в Киеве происходили события, смахивающие на тот бардак, который обычно случается в палате для буйнопомешанных «дома скорби» во время полнолуния. Новая власть – Центральная рада – щедро обещала людям, которые повелись на ее заклинания о благе народном, землю, волю, право на достойную жизнь, умалчивая при этом, каким образом все это счастье свалится на головы жителей Киева и его окрестностей.

В «Универсале» Центральной рады лишь говорилось, что раздача земли в собственность хлеборобов произойдет только тогда, когда созданное в Петрограде Учредительное собрание сообразованно принять соответствующие документы. Кстати, это был весьма хитрый способ спихнуть недовольство людей на Россию – дескать, мы и рады вас облагодетельствовать, только эти «клятые москальи» у себя в Петрограде все что-то тянут. Видать, не хотят, чтобы украинцы трудились на своей земле.

Сама же Центральная рада вскоре превратилась в обычную парламентскую говорильню, где лица, участвующие в законодательном процессе, занимаются главным образом тем, что выбивают для себя полномочия и хорошо оплачиваемые должности.

К тому же, несмотря на декларируемое единство украинской нации, они быстро перегрызли между собой, и пребывали в состоянии перманентного внутреннего конфликта. В общем, в Киеве происходило примерно то же, что было и в Петрограде при министре-председателе Керенском, только труба пониже, и дым пожиже.

На совещании в Таврическом дворце, помимо Сталина и меня, присутствовали наркомвоенмор Михаил Васильевич Фрунзе и небезызвестный Климент Ефремович Ворошилов,

который в данный момент создавал в Петрограде народную милицию, мобилизуя в помощь старым опытным кадрам сыскальной полиции сознательных рабочих-большевиков.

Такой состав присутствующих на совещании не был случайным – Фрунзе отправится в Киев, чтобы железной рукой навести порядок в том «самостийном» бардаке, который устроили там предтечи бесноватых бандеровцев. Ну а Ворошилову, как уроженцу Луганска, и человеку, имеющему в тех краях большой авторитет, сам Бог велел посетить родные места, чтобы лично разобраться в происходящем. Донбасс был нам нужен позарез. На носу зима: без донецкого угля все крупные города России просто замерзнут и останутся без света.

Для начала я рассказал присутствующим, что творится нынче на Украине и во что в наше время там вылились все заигрывания с «братским народом».

– Товарищи, – начал я, – как вы помните, сразу же после Февральской революции в Киеве образовалось как бы три правительства сразу. Первое – Исполнительный комитет, который представлял Временное правительство, второе – Киевский Совет рабочих и солдатских депутатов, объединивший всех тех, кто придерживался большевистских и левозсеровских взглядов, и третье – Центральная рада. Вот о ней-то и пойдет наш разговор. Ее отцами-основателями стали такие личности, как Владимир Винниченко и Симон Петлюра. Последнюю фамилию я советую запомнить хорошенько – тот еще кадр. Все они являются выходцами из так называемой УСДРП – Украинской социал-демократической рабочей партии. Впрочем, никто из них рабочим никогда не был и общественно полезному труду не стремился. Все их мысли этих деятелей были нацелены на захват власти. Позже, в апреле 1917 года, в Киеве открылся Украинский национальный конгресс, и его председателем стал Михаил Грушевский – историк, создавший миф об «особенном пути украинского народа», масон и предтеча звериного украинского национализма, который расцвел махровым цветом в нашей истории в начале XXI века на «незалежной» Украине. Двадцать третьего июня сего года Центральная рада издала свой первый «Универсал». В нем она заявляла о «свободной Украине», которая в то же время «не будет отделяться от всей России». Временное правительство во главе с «душкой Керенским» сквозь пальцы смотрело на сепаратизм «центральнонарадовцев» и признало за ними право на управление губерниями – Киевской, Полтавской, Подольской, Волынской и Черниговской. Да и куда деваться было Временному правительству, которое в то время в самом Петрограде уже не обладало практически никакой властью? Кроме того, Центральная рада явочным порядком попыталось и пытается распространить свою власть на Одессу, Николаев, Херсон, Елизаветград, Харьков, Екатеринослав и Луганск... Да-да, Климент Ефремович, и Луганск, – сказал я, заметив, как встрепенулся Ворошилов, услышав название своего родного города. Сказать ему, что ли, что Луганск будет долгое время носить его имя? Ладно, не буду... Пока не буду...

– Кроме того, – продолжил я, – Центральная рада пытается запустить свои щупальца и в Крым, где пытается провести ползучую «украинизацию» Черноморского флота. Благо среди моряков много уроженцев Малороссии. Ну, с Черноморским флотом позже разберутся наши флотские товарищи. Тем более что на Черном море воевать сейчас уже практически не с кем, и значительную часть личного состава можно демобилизовать.

– А какие военные силы у Центральной рады? – поинтересовался Сталин, дымя папирсой. – Что они могут противопоставить нам, если мы решим разогнать этих клоунов, считающих, что именно они представляют весь народ, проживающий на территории Новороссии, Малороссии, Слобожанщины и Волыни?

– Товарищ Сталин, – сказал я, – амбиций у этих «щирых хлопцев» бьют просто через край. Но одно дело – рассказывать доверчивым людям о том, как гарно они будут жить, отделившись от москалей, и другое дело – наладить просто нормальную жизнь. Это две совершенно разные вещи. Сейчас Петлюра со товарищи пытаются создать какие-то опереточные полки – «курени», одевая их в форму, больше похожую на реквизит к опере Чайковского «Черевички». Раженных называют «гайдамаками» – красиво и романтично. Широленные шаровары, шапки со

свисающими на спину красными шлыками, в кунтушах или кафтанах – бис их поймет – подпоясанных широченными поясами, из-за которых торчат чуть ли не аршинные кривые кинжалы. Ну и как боевая сила эти шуты ничего собой не представляют. При столкновении с регулярными войсками они в нашей истории героически разбежались или дружно поднимали «руки в гору».

– Понятно, – сказал Фрунзе, – я полагаю, что не потребуются привлекать большие силы, чтобы разогнать всю эту банду ряженных. Гайдамаки, говорите? Хэх... – Михаил Васильевич хмыкнул, став очень похожим на красноармейца Сухова в фильме «Белое солнце пустыни».

– Товарищ Фрунзе, вы не совсем правы, – сказал я. – Сами по себе эти, как вы их называете, «ряженные» действительно реальной военной силы не имеют. Но их в нашей истории использовали в качестве марионеток внешние силы. Сначала германцы и австрийцы, а затем и Антанты. В нашем варианте развития событий Германия вышла из войны, и вмешиваться в ситуацию на Украине вряд ли будет. Австро-Венгрия? Она сейчас напоминает смертельно больного человека. Тем более что, лишившись германских «костылей», она уже не может ходить на своих ногах, и ей остается, пардон, ходить под себя. Антанте тоже сейчас не до Украины – на Западном фронте немцы готовят генеральное наступление на Париж, и каждый французский или английский солдат нужен там.

– В общем, товарищи, – сказал Сталин, – с «самостийниками» в Киеве, и не только там, надо кончать. И чем быстрее, тем лучше. Почему мы готовы выделить для этого задания лучшую из имеющихся у нас частей – Механизированную бригаду Красной Гвардии. Возглавит операцию лично Михаил Васильевич Фрунзе, которого мы ради этого оторвали от дел его наркомата. Товарищ Фрунзе, мы хотим, чтобы закончив все дела в Киеве, вы выехали в Одессу и разобрались с так называемым Румчеродом. Там, на Румынском фронте, находятся немалые силы, которые больше сочувствуют меньшевикам и эсерам, чем большевикам. Но по этому поводу мы с вами до отправления бригады еще поговорим.

– А ты, товарищ Ворошилов, – председатель Совнаркома обратился к будущему «первому красному маршалу», – отправляйся после Киева не в Одессу, а в Луганск. Твоя задача – сформировать дееспособные и по-большевистски настроенные органы власти в Харьковской, Екатеринославской и Таврической губерниях, и начать формирование там отрядов Красной Гвардии. Товарищ Бережной выделит тебе людей и поделится опытом. Если что-то пойдет не так, твои земляки из Луганской бригады Красной Гвардии должны отправиться в места, где снова попытаются поднять голову недобитки из Центральной рады, чтобы навести там революционный порядок. Мы не позволим, чтобы эти доморощенные «гайдамаки» пытались оторвать завоеванные кровью русских солдат, и потом русских крестьян, земли Новороссии и Малороссии от Советской России. Губернии у вас там промышленные, с большим количеством железных дорог, так что мой вам совет: вместо танков и броневиков стройте бронепоезда. Не забывайте, что рядом с вами Войско Донское и Войско Кубанское, а казачки сейчас тоже себе на уме. Автономисты разного толка там так и кишат. Со временем и их придется лечить от этой заразы – самостийности. Запомните: броня, огонь и маневр никогда вам не будут лишними. Об этом пока все. Александр Васильевич составит вам список тех из депутатов Центральной рады, кого необходимо будет арестовать и доставить в Петроград. Впрочем, это уже работа больше для ведомства Феликса Эдмундовича. Вопросы будут? Если нет, то получите мандаты в секретариате Совнаркома и внимательно прочитайте обзорную справку, которую подготовил для вас товарищ Тамбовцев. Там вы найдете еще много интересного и полезного для себя.

Я передал Фрунзе и Ворошилову папки с отксеренной справкой, в которой кратко излагалась история Украины в годы Гражданской войны. Отдельно был сделан список лиц, подлежавших задержанию и этапированию в Петроград. Против некоторых фамилий стоял особый значок, указывающий на то, что в случае невозможности задержать и этапировать данную личность она подлежит уничтожению.

К списку прилагались краткие биографии этих лиц с описанием их «подвигов». Это было сделано для того, чтобы ни у Михаила Васильевича, ни у Климента Ефремовича не возникло никаких сомнений, что они поступают совершенно правильно, выводя в расход тех, чье имя будет красоваться на желто-голубых знаменах укронацистов XXI века, и на чьих примерах будут учить украинскую молодежь ненавидеть Россию и «клятых москалей».

**16 (3) ноября 1917 года. Вечер. Петроград. Путиловский завод.
Полковник ГРУ Вячеслав Николаевич Бережной.**

После нашего прибытия из-под Риги мы рассчитывали получить несколько недель на отдых и приведение в божеский вид нашей техники. Но не тут-то было. Так и не дав нам как следует отдохнуть, нас снова отправляют в поход. Сталин и Советское правительство поставили нам задачу – отправиться в Киев и разогнать так называемую «автономную Украину», которая со дня на день должна самопровозгласиться как Украинская Народная Республика. Ну а после окончательно и повсеместно утвердить в Киеве и на Украине советскую власть.

Командовать операцией будет лично наркомвоенмор Михаил Васильевич Фрунзе. Про него можно сказать, что Фрунзе был куда более достойным наркомвоенмором, чем известный всем иудушка Троцкий. И доживи он в нашем времени до введения маршальских званий, первым Красным маршалом без сомнения, стал бы не Клим Ворошилов, а он.

В своем стремлении предотвратить растаскивание России по национальным хуторам, большевики-сталинцы объективно смыкались с лидерами так и не состоявшегося здесь белогвардейского движения, чей лозунг был: «За Россию – единую и неделимую». К счастью, нам удалось помножить на ноль троцкистов во главе с их вождем, а Александр Васильевич Тамбовцев сумел отговорить товарища Ленина от авантюры по разделению России на союзные республики.

Ведь это же просто мечта для интервента, когда слон сам себя нарезает на кусочки, удобные к употреблению. Но наше появление в этом мире резко сместило баланс сил в партии большевиков в сторону Сталина. А он-то как раз и был противником подобных авантур в государственном строительстве. Реальному федерализму советское правительство говорит твердое «да», ибо местными губернскими делами невозможно управлять из столицы. А вот распаду страны на множество независимы «улусов» отвечает решительное «нет».

Наша задача – пройти по своего рода «дуге сепаратизма»: Киев, Кишинев, Одесса, Симферополь, Ростов, Екатеринодар, Новороссийск, Батум, Тбилиси, Баку, Порт-Петровск, Астрахань, Оренбург, Омск, Иркутск, Чита... Надо всем грубо и зримо объяснить, что Советская Власть – это надолго, и она не потерпит никакого сепаратизма и местечкового национализма.

Но отбываем мы не в полном составе. Один батальон бригады Сталин решил оставить в Петрограде для охраны Советского правительства. Опасение совершенно понятное – врагов у нас пока хватает, а надежных и заслуживающих доверия воинских частей поблизости немного. Зато теперь в нашу бригаду временно входят текинцы и казаки, поучаствовавшие с нами в боях под Ригой. После окончания войны их было решено демобилизовать, чему они, конечно, очень были рады. Обнять жен, увидеть детей, поправить покосившийся амбар – все думки у станичников теперь только об этом. Они будут сопровождать нас – кто до Дона, кто до Кубани. Торопиться им сейчас особо не с руки. Озимые сеять уже поздно, а яровые еще рано. Но сам факт дембеля греет казачкам душу. Ведь почему бы не отправиться им до дому, до хаты в хорошей компании, по пути еще раз послужив Советской власти? Во время разборок с киевской Радой и молдово-румынско-эсеровским Румчеродом, нам совсем не помешает тысяча острых казачьих сабель.

Текинцы, кстати, принесли клятву верности Михаил-хану. Но Сталин сказал, чтобы мы отнеслись к этому спокойно. Измены со стороны младшего брата бывшего царя и формально последнего императора он не ожидает. Ведь в наших руках остаются его жена, сын и падчерица.

Да и генерал-лейтенант Михаил Романов не мыслит себя без России, и совсем не рвется на трон.

А на Кавказе Михаил-хана еще ждут грузинские меньшевики, армянские дашнаки, азербайджанские мусаватисты – словом, каждой твари по паре.

Насчет Румынского фронта у меня особое поручение от Александра Васильевича Тамбовцева. Необходимо найти и пригласить в Петроград одного восемнадцатилетнего техника гидротехнического отряда Лаврентия Берия.

Надо так надо: человек он старательный и ответственный. Примерно в тех же краях пребывает еще один замечательный человек, на этот раз проходящий по нашей части. Я имею в виду командира батальона 409-го Новохоперского полка штабс-капитана Василевского Александра Михайловича. Было бы крайне полезно убедить этого талантливого командира не увольняться из армии, а перевестись к нам в Красную Гвардию. Там же в запасном кавалерийском полку Юго-Западного фронта сейчас служит еще один будущий маршал Победы – вояка, рубака, унтер-офицер Георгий Константинович Жуков. Все на том же Юго-Западном фронте, в тяжелом артиллерийском полку проходит службу двадцатилетний младший унтер-офицер Иван Степанович Конев. И еще надо одного человека нужного и полезного там найти – прапорщика 136-го Таганрогского пехотного полка Григория Ивановича Котовского. Это же готовый спецназовец: храбр, умен, прекрасно физически подготовлен. А эту эсеровско-анархическую дурь из его башки мы выьем. Тогда сумели, сумеем и сейчас.

Один такой будущий советский полководец в составе нашей бригады уже есть. Первого ноября сего года в Рижском сражении во время контудара под Иксюлем механизированное ядро третьего батальона выручило из немецкого окружения группу отчаянно оборонявшихся русских драгун. Против десятка БМП-3 и разогретой драйвом мотопехоты с автоматическим оружием шансов у колбасников не было вовсе. Это был как раз тот случай, когда хищник разом превращается в беззащитную жертву. Побойище, одним словом.

Когда все кончилось, подъезжает к группе героев командирская БМП-3, забрызганная грязью по самую башню, и командир батальона, капитан Борисов, командует из люка:

– Старший ко мне, доложить обстановку.

И тут появляется ОН – шинель грязная, обгорелая, сам чумазый как черт, но красавец-мужчина – и рапортует:

– Младший унтер-офицер Каргопольского драгунского полка, Константин Рокоссовский, господин штабс-капитан...

И все, привет, капитан Борисов поплыл: узнать в этом молодом и лихом кавалеристе будущего маршала Победы было невозможно. Короче, после разгрома немцев у иксюльских переправ и рейда кавалерии на левый берег в составе нашей бригады появился кавалерийский разведывательный эскадрон, командует которым прапорщик военного времени Константин Рокоссовский. Это первое офицерское звание было присвоено ему авансом за храбрость дерзость и талант, при условии, что прочие наши товарищи офицеры помогут ему подтянуть теорию. Предложение это, выдвинутое мной, прошло без замечаний, поскольку учить Рокоссовского – для каждого офицера это огромная честь, примерно как для ювелира гранить бриллиант в тысячу карат.

Примерно то же самое после перевода в нашу бригаду ожидает и Жукова с Коневым. Учиться, учиться и учиться! Ну а товарищу Василевскому найдем работу в штабе бригады. У него своя стезя – и хороших штабистов, а не тыловых крыс, в нашей армии всегда не хватало.

Короче, в поход выступают четыре батальона, механизированное ядро которых сформировано на базе рот морской пехоты, вооруженных БМП-3Ф, две батареи самоходных орудий Нона-С, для которых Путиловский завод сейчас ускоренно клепают мины к 120-мм минометам, разведывательный эскадрон прапорщика Рокоссовского, сводная кавгруппа генерал-лейтенанта Михаила Романова. Еще нас будет сопровождать бронепоезд «Красный балтиец», с

командой, взятой с ремонтирующихся и устаревших кораблей Балтфлота. Бронепоезд бронирован 75-мм путиловской броней и вооружен морскими пушками: двумя – калибром 130-мм, четырьмя – калибром 102-мм, а также восемью пулеметами «максим», установленными на счетверенные зенитные турели, вроде тех, что были в Великую Отечественную.

Причем можно стрелять как по самолетам, так и по пехоте. Лепота, одним словом. Только очень не хотелось бы применять весь этот богатый арсенал по русским людям. Наша задача – предотвратить Гражданскую войну, а не разжигать ее. Вот если в прицел попадутся гайдамаки, или еще какая националистическая сволочь, а еще лучше англичане, тогда да – газ до отказа и дави их всех. Как скажет в 1941 году товарищ Молотов: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами»...

17(4) ноября 1917 года. Полдень. Петроград. Исаакиевская пл., 2, Здание бывшего Военного министерства Российской империи.

Полковник ГРУ Бережной Вячеслав Николаевич.

Вчера вечером мне по телефону позвонил Фрунзе и попросил срочно прибыть к нему в наркомат по одному очень важному и неотложному делу. Подробности он мне сообщать не стал, сказав лишь, что речь пойдет о нашей будущей экспедиции в Киев. Очень любопытно...

Приехав в знаменитый «Дом со львами» на Адмиралтейском проспекте, где располагалось бывшее Военное министерство, я, к своему удивлению, встретил там сидящих в приемной наркомвоенмора, Деникина и Маркова. И сдается мне, что они оказались там совсем не случайно.

После окончания военных действий на Западном фронте генералы оказались временно не у дел. Ребята из ведомства Держинского присматривали за ними, но вроде ничего подозрительно не усмотрели. Поругивали бывшие «ваши превосходительства» новую власть, но, если честно, то порой за дело. Много еще было у нас бардака, расхлябанности, красивых слов, за которыми не стояло никаких конкретных дел.

Я поздоровался с Деникиным и Марковым, но толком поговорить с ними не успел. В приемную вошел личный порученец Фрунзе и пригласил нас пройти в кабинет наркома.

Вот тут-то я и узнал о причине моего сегодняшнего вызова. Оказывается, генералы, узнав, что мы готовим бригаду к экспедиции на Украину, решили тоже поучаствовать в этом деле. Антон Иванович ссылаясь на то, что, дескать, в молодости он окончил Киевское юнкерское училище, а перед 1-й Мировой войной служил в Киевском военном округе, где командовал 17-м пехотным Архангелогородским полком, расквартированным в Житомире.

– Михаил Васильевич, уж мне ли не знать те места, куда отправитесь вы с полковником Бережным! – уговаривал Деникин Фрунзе. – Я там, на знаменитых Киевских маневрах, все излазил вдоль и поперек. Да и знакомых у меня там осталось немало.

Генерал Марков подобными тесными связями с Украиной похвастаться не мог, но ему тоже очень хотелось вместе со своим старым другом и бывшим командиром попасть в Киев, чтобы разобраться «с новоявленными Мазепами».

– Михаил Васильевич, – сказал он, – я готов отправиться с вами хоть рядовым в бригаде уважаемого Вячеслава Николаевича, – лишь бы собственноручно разогнать всю эту самостийную шваль, нагло горлопанящую, что «Украина це не Россия!». Похоже, что эти любители галушек и борща совсем рехнулись.

А мне вдруг после последних слов Сергея Леонидовича почему-то вспомнились вещие слова Виссариона Белинского о «хохло-пророке» Тарасе Шевченко: «Ох эти мне хохлы! Ведь бараны – а либеральничают во имя галушек и вареников со свиным салом!»

– Господа генералы, я понимаю и разделяю ваши патриотические чувства, – с улыбкой сказал Фрунзе, разведя руками, – но хочу спросить, как вы видите себя в структуре бригады

товарища Бережного? Насколько мне известно, в штате бригады нет вакансий, которые соответствовали вашим нынешним званиям и ранее занимаемым должностям.

Генералы Деникин и Марков переглянулись, потом Антон Иванович, как более старший и авторитетный из двоих присутствующих, сказал:

– Товарищ наркомвоенмор, как только что заметил Сергей Леонидович, и он, и я готовы занять любую вакантную должность в бригаде полковника Бережного.

Слова эти, похоже, были произнесены с большим трудом, но тем ценнее они были. А потом, видя колебания на лице Фрунзе, генерал Деникин не выдержал и уже не столь официально произнес:

– Михаил Васильевич, голубчик, вы должны нас понять. Ну, разбили мы врага внешнего, сильного и коварного. Заключили с ним мир, пусть не победоносный, но вполне почетный. Но ведь остался еще враг внутренний, и, по нашему твердому убеждению, даже более опасный, чем германец или австрияк. Ведь, как три столетия назад, на Русь-матушку надвигается новая Смута. При Временном правительстве как тараканы расплодилась куча маленьких и больших царьков, князьков, ханов и баев, которые рвут на части нашу страну. Я понимаю, что навести в России порядок – это задача прежде всего новой власти. Но не можем же и мы сидеть сложа руки. Ведь мы же знаем и умеем пусть не все, но многое. Если нам будет уготована в этой трагедии участь лишь сторонних зрителей, то мы никогда себе этого не простим. Так что, уважаемый Михаил Васильевич, не может быть никаких разговоров о высоких чинах для нас и почестях. Мы с Сергеем Леонидовичем, готовы хоть ротными, хоть взводными пойти в бригаду Вячеслава Николаевича. И не только мы. Вот... – Генерал Деникин достал из кармана вчетверо сложенный лист бумаги, – это, товарищ нарком, список офицеров и генералов, которые думают так же как мы, и готовы под красными знаменами выступить в поход на Киев... – похоже, что на этот раз слова сии Антону Ивановичу дались уже не с таким напрягом.

И Деникин протянул список с длинным столбцом фамилий и званий Михаилу Васильевичу Фрунзе. Тот внимательно прочитав эту бумагу, хмыкнул, и, покачав головой, протянул список мне.

Я быстро, по диагонали, пробежался по нему глазами. Да, многие фамилии в ней были известны по истории той, нашей Гражданской войны. Например, командир Московского лейб-гвардии полка, полковник Яков Александрович Слащев, изнывающий сейчас от безделья в полковых казармах на Большой Сампсониевской.

– Да, Антон Иванович, – сказал я, возвращая список Фрунзе, – тут много достойных людей и опытных воинов. Можно из них сформировать роту, а то и батальон. Только вот в чем вопрос: смогут ли они беспрекословно выполнять приказы человека, который младше их по званию? Да и, как вы успели убедиться, взаимоотношения в моей бригаде, во многом не похожи на те, что существовали в старой русской армии. Вы с Сергеем Леонидовичем уже успели к ним немного привыкнуть, а вот как это все воспримет те, кого вы нам рекомендуете?

Деникин задумался. Похоже, что полностью ручаться за тех, кого он предложил мне в качестве волонтеров, он не мог на все сто процентов. А с другой стороны... Как человек честный, Антон Иванович не хотел лгать мне и Фрунзе. Поэтому, не желая его окончательно конфузить, я решил помочь генералу.

– Антон Иванович, – спросил я, – а что, если сделать все так, как сделано в частях Красной Гвардии, которые входят в состав моей бригады?

Увидев недоуменный взгляд Деникина и Маркова, я пояснил:

– В частях Красной Гвардии есть политические руководители, в обязанности которых входит разъяснение личному составу сути происходящего. И в случае каких-либо политических разногласий и недоразумений они должны выходить на вышестоящее начальство – в данном случае на меня или товарища Фрунзе – и разрешить ситуацию ко всеобщему удовлетворению...

– Вы имеете в виду комиссаров? – брезгливо поморщившись, спросил Деникин. – Были у нас такие уже. Вроде бомбиста Савинкова, который почему-то так пришелся по душе Лавру Георгиевичу. Штафирки, которые будут учить нас, генералов и офицеров-фронтовиков, как надо воевать...

– Ну почему именно штафирки... – улыбнулся Фрунзе. – Кстати, ведь я тоже из их числа. К тому же принцип единоначалия никто отменять не собирается. Комиссар отвечает лишь за моральное состояние личного состава, не более того. Вмешательство в ход боя есть для него непростительный проступок, за которым немедленно должно следовать служебное расследование. Но если говорить о вашем, сплошь офицерском, подразделении, то для него можно найти и боевого офицера в достаточно высоком звании, и в то же время разделяющего взгляды большевиков на общественное переустройство России...

– А такие офицеры разве есть? – саркастически усмехнувшись, спросил Деникин. – Я что-то о подобных и не слыхивал.

– Есть, Антон Иванович, как не быть... У большевиков много кто есть в запасе, – усмехнувшись, ответил Фрунзе, переложив на своем столе несколько бумаг. – Вот, к примеру, господы генералы, войсковой старшина Миронов Филипп Кузьмич, помощник командира 32-го Донского казачьего полка. Воевать начал еще в Японскую, получил там две Анны и Владимира с мечами. На Германской войне получил Георгия 4-й степени и Георгиевское золотое оружие.

– Вполне достойный офицер... – задумчиво сказал Деникин, – и что, вы хотите сказать, что он тоже большевик?

– Ну, если он и не стопроцентный большевик, то вполне сочувствующий нашим идеям, – сказал Фрунзе. – Так что, господа генералы, возьмете такого комиссара в ваш батальон?

– Придется взять, – развел руками Деникин. – 32-й Донской полк, это, если я не ошибаюсь, 3-я Донская казачья дивизия? Помню ее, помню... Она была рядом с нами во время Великого отступления. Казачки тогда показали себя героями.

– Ну вот и отлично, – подвел итог этой затянувшейся беседы Михаил Васильевич, – а о более конкретных вещах вы позже переговорите с товарищем Бережным. До свидания, товарищи, – попрощался с нами нарком.

Мы вышли в приемную, и генералы вопросительно посмотрели на меня – видимо, желая заняться этой самой конкретикой.

– Идемте, господа, – сказал я им, вздохнув, – мое авто внизу, сейчас отправимся в штаб и будем там с вами думать думати...

17(4) ноября 1917 года. Вечер. Таврический дворец. Зал заседания Совнаркома. Полковник ГРУ Бережной Вячеслав Николаевич.

Сегодня Сталин созвал на совещание всех наркомов – предстояло принять окончательное решение, что делать с «незалежной» Украиной. Нам было необходимо получить общее добро Совнаркома на проведение показательной экзекуции, чтобы и другим «незалежным» в будущем неповадно было задирать хвост трубой и воображать, что они что-то значат в мировой политике. Мания величия для стран, которые никогда ранее не были самостоятельными и не имеют абсолютно никакого опыта государственного строительства – это опасное заболевание. И лечить его чаще всего приходится хирургически.

Уже в самом начале заседания, что называется «сходу», Сталин сделал краткий доклад о положении на Украине, добавив в качестве «прогноза» информацию, почерпнутую из нашей истории. Прямо скажу: сведения эти вдохновили наркомов по полной. Во всяком случае, особых возражений по поводу необходимости как можно быстрее покончить с местечковым сепаратизмом ни у кого не было. Лишь наша «мать Тереза» – добрейший Анатолий Васильевич Луначарский – растекся мыслию по древу и начал петь свои «песни нанайские» по поводу «невинных жертв» и «прав наций на самоопределение».

Но Сталин довольно быстро осадил его, заявив, что если мы сейчас быстро и решительно не покончим со всеми этими «самостийниками», то «невинных жертв» будет в несколько сот, а то и тысяч раз больше, а «нациями» не стоит считать одуревших от шизофренического бреда об «особой истории украинского народа» интеллигентов, взращенных в университетах Львова под заботливым присмотром австро-венгерской разведки.

Анатолий Васильевич лишь развел руками, и больше доброхотов порадеть о «бедных и несчастных» украинских «романтиках-патриотах» не нашлось.

Выступивший после председателя Совнаркома Михаил Васильевич Фрунзе кратко рассказал о планах действий частей, посылаемых на Украину для подавления мятежа. Правда, для того, чтобы не дразнить гусей, он ничего не сообщил о формируемом под моей эгидой генералом Деникиным особого добровольческого офицерского батальона. Во-первых, этот батальон еще не сформирован, а посему говорить о нем еще рановато, а во-вторых, кое-кто из присутствующих здесь наркомов может опять начать препираться с наркомвоенмором по поводу «буржуев и дворян в золотых погонах, которые поедут в Киев бороться с нашими братьями по классу». Ведь не докажешь им, что Деникин, отец которого был по происхождению крепостным крестьянином, в образ «буржуя и дворянина» как-то не вписывается. А вот тот же Анатолий Васильевич Луначарский, отец которого был действительным статским советником, как раз и есть буржуй и дворянин.

Правда, я зря так плохо поначалу подумал о Луначарском. Видимо, до него наконец дошло, чем грозит Советской власти такое явление, как национализм, густо замешанный на русофобии – и он после выступления Фрунзе попросил слова и, выйдя на трибуну, предложил Сталину включить в состав Особой бригады агитотряд, который занялся бы разъяснением «обманутым товарищам из Малороссии» того, что произошло совсем недавно в Петрограде, и что несет простому народу Советская власть.

– Я считаю, товарищи, – горячился на трибуне Луначарский, – что все происходящее сейчас в Киеве – это результат неверия местных граждан во Временное правительство, которое много обещало, но так ничего и не сделало из обещанного. И этим воспользовались некоторые демагоги, которые стали говорить рабочим и крестьянам, что счастливая и богатая жизнь на Украине может наступить лишь после того, как они отделятся от России. Дескать, такие работники и умные люди, как украинцы, могут жить припеваючи, имея жирные черноземы, залежи угля, металлов, Черное море с его портами. А Россия только веками выкачивала с Украины зерно, мясо и уголь. Вот товарищи и поддались на уговоры этих «сирен». И надо их разагитировать, доказав, что только в союзе с Россией они могут обрести счастье и достаток.

– Анатолий Васильевич, – неожиданно перебил Луначарского Сталин, – а почему обязательно Украина и Россия? А почему нужно противопоставлять друг другу части одного и того же народа? Вот возьмите, к примеру, мою родную Грузию. У нас там тоже живут не только картвелы, но и картлийцы, гурийцы, имеретинцы, кахетинцы... Много у нас разных племен и народностей. Но все мы вместе – грузины. А чем, собственно, отличается от русского малоросс? Только языком, но не настолько, чтобы не понимать друг друга. Вот я был в ссылке в Сибири. Там в некоторых деревнях и станках общаются между собой на своих, особых говорах. Иногда их даже бывало трудно понять. Но они себя считают русскими, и даже обижались на меня порой, когда я спрашивал, какого они роду-племени. Поэтому я не стал бы особенно напирать на то, что Украина и Россия – это что-то разное. Пусть языки немного разнятся, но душа-то у народа одна, как и едина его общая история!

– Вы совершенно и абсолютно правы, товарищ Сталин! – пылко воскликнул Луначарский. – Действительно, с этой «особостью» надо бороться. До добра она не доведет. Правда, не надо напирать и на принудительную русификацию.

– Я сам ведь родом из Полтавы, – смущенно улыбнулся Анатолий Васильевич, – и прекрасно знаю, что это такое – знаменитое хохляцкое упрямство. Если какой-то селянин упрется

и будет настаивать на своем – его ни за что не переспоришь. Поэтому пусть каждый говорит так, как он хочет. Действительно, понять русскому малоросса или малороссу русского всегда можно.

– Ну вот и хорошо, товарищ Луначарский... – Сталин улыбнулся в свои прокуренные усы. – Вам и карты в руки. Давайте, формируйте агитотряд, и вместе с товарищем Фрунзе и товарищем Бережным отправляйтесь в Киев.

– Я вообще-то... – начал было Луначарский, но потом, подумав, махнул рукой, и, поправив свое «чеховское» пенсне, сказал: – хорошо, товарищ Сталин. К какому сроку надо быть готовым? Ведь сформировать агитотряд не так-то просто. Придется работать с актерами, литераторами, музыкантами – а это сами знаете какой народ...

– Знаю, Анатолий Васильевич, – улыбнулся Сталин, – поэтому, чисто по-большевистски, могу дать вам целых два дня. Мало? Что поделаешь – больше времени у нас нет...

Луначарский опять вздохнул и развел руками, но, ничего не ответив председателю Совнаркома, сел на место.

– Товарищи, – сказал Сталин, – еще раз хочу напомнить о всей важности и срочности того, что мы намерены сделать. Время не ждет! Зараза сепаратизма и национализма из Киева может быстро расползтись по всей стране. Дурной пример, как говорится, заразителен. К тому же внешние силы, которые мечтают отхватить под шумок от Советской России часть ее территории, будут финансировать сепаратистов, оказывать им всяческую помощь, в том числе и военную. Тут одними уговорами не обойдешься. А потому я предлагаю объявить на Украине военное положение. Именно так, и не иначе!

– А почему именно военное положение? – спросил у Сталина нарком Александр Дмитриевич Цюрупа. – Неужели там все так плохо, и без вооруженной силы не обойтись?

– Да, товарищ Цюрупа, так и есть, – ответил Сталин, – киевские «самостийники» успели сколотить и вооружить свои банды. И разоружить их теперь можно лишь с помощью силы. Иначе мы не отправляли бы на юг самую боеспособную нашу часть – бригаду Красной Гвардии под командой товарища Бережного. Чем решительней мы поступим с Центральной Радой, тем меньше крови мы прольем в будущем. К тому же, Александр Дмитриевич, введя военное положение, мы передаем власть на местах военным. А гражданские органы власти на период военного положения этой самой власти лишаются. Да и разобраться надо будет на месте, что там за власть такая. Может быть, такая же, как наше Временное правительство... Или даже хуже.

Больше вопросов по поводу введения военного положения не последовало. Быстро проголосовав этот пункт, наркомы перешли к решению следующего. А именно – о закупке на Украине зерна. Запасы его в Центральной России уже подходили к концу. Надо было думать о зиме. Хлеб у малороссов имелся – урожай 1917 года был богатым. Но продавать за «керенки» они его не хотели. Надо было предложить им мануфактуру, промышленные изделия, чтобы обменять на зерно. Из Германии к нам уже стали понемногу поступать промышленные товары, которые можно было бы у селян обменять на зерно. Да-да, натуральный обмен. А что поделаешь, если усилиями либеральных экспериментаторов деньги по цене приблизились к туалетной бумаге. В общем, у товарища Цюрупы, и у товарища Красина, появились новые заботы и вопросы, которые необходимо было срочно решать.

Сталин напомнил присутствующим, что зимой очень будет нужен уголь, который добывают в Донбассе. Предстояло решить и этот вопрос, потому что без угля города России попросту замерзнут, а фабрики и заводы останутся.

Когда все наркомы были «озадачены», Сталин закрыл заседание, попросив остаться меня и товарищей Фрунзе, Тамбовцева и Дзержинского. Предстоял разговор о делах, о которых не всем полагалось было знать. А именно – о нейтрализации некоторых деятелей Центральной

Рады и о спецоперациях, что требовалось провести, чтобы с корнем повыдергивать сорняки сепаратизма.

В деле борьбы с национализмами всех мастей проявление гуманности, как правило, идет только во вред. Мы в нашей истории сами были свидетелями, как недорасстрелянные после Великой Отечественной Войны бандеровцы с развалом СССР вновь выползли на свет Божий, и опять, как когда-то, махали своими желто-голубыми тряпками. Нет, таких старичков-бодрячков в форме УПА в этой истории не будет. Мы не должны позволить товарищу Сталину быть таким добрым. И кстати, надо заранее позаботиться о пышном некрологе для товарища Хрущева. Тот еще вампир. Как говорится в русской поговорке, дурную траву – с поля вон!

18(05) ноября 1917 года. Утро. Александровск на Мурмане (Полярное).

Едва призрачный серый свет осветил воды Кольского залива, как невыспавшийся сигнальщик на британском линкоре «Глория» узрел внезапно появившиеся из-за сизой полосы тумана за островом Екатерининский неизвестные боевые корабли под андреевским флагом. Дистанция кабельтов десять, не больше, парадный ход в пятнадцать узлов, острые «атлантические» форштевни идущих уступом кораблей будто ножом режут гладкую, застоявшуюся в штиль воду. И андреевские флаги полощутся на ветру от быстрого хода...

Они прошли через Северное, Норвежское и Баренцево моря, циклоны, дожди, метели и шторма. Пришлось им пройти и через несколько линий британской блокадной завесы, подобно неводу растянутой в Северном море между Шотландией и побережьем Норвегии. Хотя какой там невод – скорее, тонкая паутина, пригодная уловить и опутать торговое судно будто жирную муху, но при этом не способная удержать германские подводные лодки, которые пронизывали ее насквозь, выходя на позиции в Атлантике. Для кораблей из XXI века – с их низким силуэтом, и камуфляжными узорами, не оставляющими за собой длинные хвосты черного угольного дыма – нетрудно было уклониться в сторону и укрыться от взора британских моряков, наблюдающих за горизонтом в обычные бинокли с непросветленной оптикой. Ко всему прочему, корабли из будущего видели на экранах радиолокаторов все, что происходило вокруг них в радиусе нескольких десятков миль, а британцы – нет. Добавьте сюда до кучи и то, что световой день в ноябре на широте Шотландии продолжался всего-то семь с половиной часов, а в темное время суток британские корабли становились слепыми как кроты. Прожектор способен осветить море максимум на несколько кабельтовых вокруг, а дальше для невооруженного глаза сгущается непроницаемая чернильная мгла, которая тем гуще, чем ярче был свет прожектора.

Конечно же, можно пойти напролом и прорваться на Север с боем. Но по политическим соображениям было бы лучше, чтобы британцы начали боевые действия первыми. Впрочем, даже нападая, они говорят во всеуслышание, что обороняются, а совершая акт агрессии, заявляют, что «тем самым они защищают цивилизованный мир от насилия этих русских варваров».

Благополучному походу помогла и погода. Как раз в это время Северное и Норвежское моря накрыл очередной циклон, пришедший из Северной Атлантики, дождь со снегом, шквалистый ветер, низкая облачность и волны, закрывавшие от чужого взгляда «Североморск» и «Адмирал Ушаков», будто ширмой. Трое суток «Североморск», как на качелях, взлетал и падал, преодолевая огромные океанские волны. Вверх-вниз, вверх-вниз.

Военные моряки – хоть из двадцатого, хоть из двадцать первого века – к таким вещам люди привычные. Ни Иванов, ни Белли, ни Петров не были морскими офицерами «бульварного плавания». Унтер Самохин тоже помотался с «Аскольдом» по морям, видал и Владивосток, и Сингапур, и Аден, и Дарданеллы в кровавой бане шестнадцатого года...

Почти двое суток, пока Особый Отряд форсировал британскую блокадную завесу, контр-адмирал Иванов и капитан 2-го ранга Белли провели в главном командном центре «Североморска». Господа офицеры (а может, уже и товарищи) понимали, что, вероятно, и им тоже в ближайшее время предстоит играть в жмурки, где водящими с завязанными глазами будут бри-

танцы. Опыт никогда не бывает лишним, тем более что Северный флот, который им еще предстоит создавать, в недалеком будущем станет главным флотом Советской России на Атлантическом ТВД.

Единственные, кому пришлось нелегко в этой круговерти шторма, оказались красный губернатор Вячеслав Молотов и чекист Рыбин, непривычные к морю и качке. Но ничего, выдержали, никто не умер, хотя цвет лица у Вячеслава Михайловича стал нежно-салатовый, и даже мысли о еде вызвали позывы к «кормлению Нептуна». Рыбин выглядел ненамного лучше.

Но когда при подходе к Северному полярному кругу шторм начал понемногу стихать, все начали понемногу оживать. Вячеслав Михайлович, к примеру, едва почувствовав, что может думать уже не только о том, как успеть добежать до галюна, отправился в библиотеку «Североморска». Самообразование – коронная фишка большевиков сталинского призыва. Те, кто пренебрегал этим, быстро вышли в тираж. Об одном клоуне, в нашей истории излишне зажившимся на белом свете, было решено позаботиться особо, не акцентируя, впрочем, на этом факте особого внимания. Помер Трофим (то есть Никита) от несвежей водки и маринованных грибочков – ну и хрен с ним...

Кстати, несмотря на то, что команда «Североморска» называла Антона Рыбина «чекистом», никакого ЧК в этой версии истории не было. Ведомство, воссоздаваемое товарищем Дзержинским из обломков МВД, царской охраны, уголовного розыска и службы безопасности большевистской партии, с самого начала называлось Народным Комиссариатом Внутренних Дел. Здесь уже не будет никакой чрезвычайщины. Вместо «метода проб и ошибок» построение внятной силовой структуры пошло по лекалам незабвенного Лаврентия Павловича – великого ужаса троцкистов и террористов середины двадцатого века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.